

Кассандра Клэр

Сара Риз Бреннан

Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников

Annotation

Первая повесть из серии про Академию Сумеречных охотников.

Юные герои повести осваиваются в элитарном учебном заведении, где полуангелы, более известные как Сумеречные охотники, подготавливают их к вхождению в ряды воинственной расы, охотящейся на демонов.

Кассандра Клэр

Сара Риз Бреннан

Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников

Проблема Саймона была в том, что он не знал, что обычно берут с собой крутые парни.

Для турпохода — разумеется; чтобы остаться на ночь у Эрика или на выходные, когда у них были концерты — без вопросов; отправиться в отпуск с мамой и Ребеккой — не проблема. Саймон мог в любой момент бросить в одну кучу лосьон для загара и шорты, или подходящие футболки и смену чистого белья. Саймон был готов к нормальной жизни.

И именно поэтому он не был готов собирать вещи для переезда в элитный тренировочный лагерь, где полуангелы-воины с демонами, более известные как Сумеречные охотники, должны были подготовить его трансформации в члены их воинственной расы.

В книгах и фильмах люди уезжали в волшебную страну либо в той одежде, которая была на них, либо описание их одежды и вовсе умалчивалось. Сейчас же Саймон почувствовал, что СМИ явно обделили его полезной информацией. Класть ли в сумку кухонные ножи? Пригодится ли тостер, и, если да, можно ли использовать его в качестве оружия?

Саймон не сделал ничего из вышеперечисленного. Вместо этого он выбрал более безопасный вариант: чистое белье и веселые футболки. Сумеречные охотники должно быть любить веселые футболки, верно? Все любят веселые футболки.

— Даже не знаю, что подумают о твоих футболках с грязными шуточками на них в этой спортивной военной академии, — сказала его мама.

Саймон повернулся слишком быстро, сердце ушло в пятки. Его мама стояла в дверях, скрестив руки на груди. Ее лицо, всегда выражающее волнение, немного нахмурилось, выражая еще большую тревогу, хотя в целом она смотрела на него с любовью. Как и всегда.

Помимо целого ряда прочих воспоминаний, Саймон помнил, что стал вампиром, и она вышвырнула его из собственного дома. Это была одна из тех причин, почему он отправлялся к Сумеречным охотникам, почему отчаянно врал маме, что хочет туда отправиться. У Саймона был Магнус Бейн, колдун с кошачьими глазами. Саймон действительно знал колдуна с действительно кошачьими глазами — тот оказал неоценимую помощь с подделкой документов, чтобы убедить маму Саймона, что он получил стипендию для этой фиктивной военной академии.

Он сделал все, чтобы не видеть свою мать каждый день и не вспоминать о том, как она смотрела на него, как боялась его, и как ненавидела, когда его предала.

— Думаю, футболки что надо, — ответил Саймон. — Я вообще довольно рассудительный парень. Не слишком нахальный для военных. Просто опытный, первоклассный клоун. Доверься мне.

— Я доверяю тебе, иначе бы не разрешила тебе поехать, — сказала его мама. Она подошла к нему и поцеловала в щеку; выражение на лице сменилось на удивление и обиду, когда он вздрогнул, но она ничего не сказала, не сейчас, не в последний день ее сына дома. Вместо этого она обняла его.

— Я люблю тебя. Помни это.

Саймон знал, что был несправедлив: мать бросила его потому, что больше не считала его настоящими Саймоном, а видела в нем нечестивого монстра, скрывающегося под маской ее сына. Тем не менее, он по-прежнему чувствовал, что она должна была узнать его, должна была любить его, не смотря ни на что. Он так и не смог забыть того, что она сделала.

Пусть она об этом забыла, пусть, как и она, об этом забыли и все остальные, — этого не должно повториться вновь.

Так что он должен было уйти.

Саймон постарался расслабиться в ее объятиях.

— Я еще не доел, — сказал он, беря руки мамы в свои, — но я постараюсь помнить об этом.

Она отстранилась.

— Помни об этом настолько долго, насколько сможешь. Уверен, ты хочешь отправиться со своими друзьями?

Она имела в виду его друзей среди Сумеречных охотников (которые, по версии Саймона, учились в военной академии и вдохновили его присоединиться к ним). Друзья среди Сумеречных охотников были еще одной причиной, по которой он уезжал.

— Уверен, — сказал Саймон. — Пока, мам. Я люблю тебя.

И действительно имел это в виду. Он никогда не переставал любить ее, ни в этой жизни, ни в любой другой.

«Я люблю тебя безоговорочно, — говорила ему мама один или два раза, когда он был ребёнком. — Как и все родители. Я люблю тебя не смотря ни на что».

Люди говорят подобное, не задумываясь о возможных кошмарных сценариях, об ужасных обстоятельствах, изменениях целого мира и ускользающей любви. Никто из них и представить не мог, что любовь не пройдет проверку на прочность и будет разрушена.

Ребекка прислала ему открытку с подписью: «Удачи, солдат!» Саймон вспомнил, что даже когда не мог попасть домой, когда двери для него запирались всеми возможными способами, руки сестры обнимали его, а мягкий голос шептал на ухо. Даже тогда сестра его любила. Любила. Хоть что-то, но лишь ее любви было недостаточно.

Он не мог оставаться здесь, зажатый меж двух миров, меж воспоминаний о двух разных жизнях. Он был вынужден бежать. Он должен был уйти и стать героем, каким был когда-то. Тогда всё это обретет смысл, и больше не будет причинять ему боль.

Саймон остановился, прежде чем закинуть сумку на плечо и отправиться в Академию. Он положил открытку сестры в карман. Он уехал из дома в странную новую жизнь и унес её любовь с собой, как и когда-то раньше.

* * *

Саймон должен был встретиться со своими друзьями, хотя ни один из них не отправлялся в Академию. Он согласился прийти в институт и попрощается перед отъездом.

Было время, когда он не видел спрятанные волшебной завесой предметы в их настоящем свете, но теперь Магнус помог ему сделать это. Саймон смотрел на странный, внушительный вид Института, тревожно вспоминая, что бывал здесь и раньше, но видел заброшенное здание. Хотя, это было в той, прошлой жизни. Он вспомнил какой-то библейский миф о детях, смотрящих сквозь мутное стекло. Он учил тому, что можно видеть мир и в ясном

свете. Теперь он видел Институт вполне ясно: величественная архитектура, возвышающаяся над ним. Это был тот тип зданий, целью которых было заставить людей чувствовать себя муравьями. Саймон толкнул филигранные ворота, прошел по узкой тропинке, огибающей институт, и заканчивающейся у самого здания.

Стены Института были окружены садом, который явно боролся за выживание, учитывая его близость к Нью-Йоркской авеню. Здесь были впечатляющие каменные дорожки и скамейки, и даже статуя ангела, которая могла бы обеспечить Саймону нервный припадок, ведь он был поклонником Доктора Кто. Ангел не плакал, и тем не менее казался слишком подавленным, чтобы понравиться Саймону.

На каменной скамье, в центре сада, расположились Магнус Бейн и Алек Лайтвуд: высокий и темноволосый Сумеречный охотник, молчаливый и достаточно сильный, по сравнению с Саймоном. Магнус имел кошачьи глаза и обладал магическими силами, он много болтал, и сейчас был одет в облегающую полосатую футболку с розовым принтом. Магнус и Алек уже какое-то время были знакомы; Саймон догадался: Магнус мог отвечать за них обоих.

Позади Магнуса и Алека стояли Изабель и Клэри. Изабель, прислонившись к стене сада, смотрела куда-то вдаль. Выглядела она так, будто тут в самом разгаре проходила фотосессия для невероятно гламурного журнала. Она всегда так делала. В этом и заключался её талант. Клэри пристально на Изабель и о чем-то рассказывала. Саймон подумал, что в конце концов Клэри добьётся своего, и Изабель обратит на неё внимание. А это был уже её талант. Смотреть на любую из них вызвало жгучую боль в груди. Смотреть на них обеих вызывало тупую непрекращающуюся боль.

И чтобы не испытывать эту боль, Саймон перевел взгляд на своего друга Джейса, который стоял на коленях в высокой траве и точил короткий нож о камень. Саймон предположил, что у Джейса есть причины заниматься этим; или, что более вероятно, Джейс знал, что выглядит круто, затачивая нож. Он с Изабель вполне могли бы поучаствовать в совместной фотосессии для журнала «Крутые парни».

Все были в сборе. Только ради него.

Саймон мог бы чувствовать себя уважаемым и любимым, но на деле он чувствовал себя странно, потому что у него было лишь несколько обрывков из воспоминаний, которые говорили, что он знал этих людей. Они по-прежнему оставались для него вооруженными, чрезмерно опасными незнакомцами. Тот тип людей, который вы будете избегать в общественном транспорте.

Взрослые Института, родители Клэри, Изабель и Алека, были теми, кем Саймон станет если отправится в Академию. В этом году она открывала свои двери впервые за несколько десятилетий, чтобы поприветствовать слушателей, которые смогут восстановить ряды Сумеречных охотников, значительно поредевшие из-за недавней войны.

Клэри не понравилась идея отправить Саймона в Академию. Изабель не сказала абсолютно ничего по этому поводу, но Саймон знал, ей тоже это не понравилось. Джейс утверждал, что Саймона вполне можно обучить и в Нью-Йорке. Он даже предложил лично заняться его подготовкой, совмещая его тренировки с тренировками Клэри. Саймон подумал, что это было трогательно, он, и Джейс должно быть были ближе, чем он на самом деле помнил, но ужасная правда заключалась в том, что он не хотел оставаться в Нью-Йорке.

Он не хотел оставаться рядом с ними. Он не думал, что смог бы ещё выносить бессменные выражения обманутых ожиданий, особенно на лицах Изабель и Клэри. Всякий

раз, когда они видели его, то всегда узнавали, имели представление кто он, чего ожидали и от него. Но Саймон по-прежнему никого не помнил. Это было похоже на раскопки чего то ценного, они снова и снова пытались докопаться до его воспоминаний, осознавая, что возможно их там нет, они исчезли, но всё равно продолжали копать. Ведь сама мысль безвозвратно потерять воспоминания настолько — ужасна, и они продолжали думать, что всё ещё есть надежда.

Надежда.

Он был этим потерянным сокровищем. Он был этой надеждой. И он ненавидел это. Это была тайна, которую он пытался скрыть от них, то, чего он всегда боялся, это предать их.

Он просто должен был пройти через это последнее прощание, а после он будет далеко от них, пока ему не станет лучше, пока он не станет ближе к человеку, которым все они так хотят его видеть. Тогда они не будут разочарованы в нем, а он не будет чужим для них. Он будет принадлежать им.

Саймон не пытался предупредить сразу всех о своем присутствии. Вместо этого он бочком подошел к Джейсу.

— Эй, — сказал он.

— О, — небрежно ответил Джейс, как если бы он не ждал здесь с конкретной целью — проводить Саймона. Он посмотрел вверх своим золотым, пристальным взглядом, а затем отвернулся. — Ты.

Слишком крутой для школы — в этом был весь Джейс. Саймон подумал, что его бы приняли и полюбили таким, какой он есть.

— Эй, я понял, что не знаю, когда получу возможность задать этот вопрос снова. Ты и я, — сказал Саймон. — Мы были довольно близки, не так ли?

Джейс на мгновение взглянул на него со спокойным лицом, а после, вскочив на ноги, сказал:

— Абсолютно. Мы, как это, — он скрестил два пальца. — На самом деле, мы были очень близки, — он пытался скрестить их снова. — По началу у нас были немного напряженные отношения, надеюсь, ты сможешь вспомнить их со временем. Но все прояснилось, когда ты пришел ко мне и признался, что боролся со своим чувством сильной ревности ко мне — это были твои слова — ошеломляющим внешним видом и неотразимым шармом.

— Да неужели? — спросил Саймон.

Джейс похлопал его по плечу.

— Да, приятель. Я отлично это помню.

— Окей, пусть будет так. Дело в том, что... Алек всегда такой тихий, когда находится рядом со мной, — сказал Саймон. — Он действительно такой скромный или я разругался с ним и просто этого не помню? Мне не хотелось бы уходить, не расставив точки над и.

Выражение лица Джейса по-прежнему оставалось невозмутимым.

— Я рад, что ты спросил об этом меня, — сказал он, наконец. — Есть кое-что, что ты должен знать. Девушки не позволяли мне говорить тебе об этом, но правда состоит в том...

— Джейс, прекрати путать Саймона, — сказала Клэри.

Она произнесла это твердо, как и всегда, а Джейс обернулся в ответ, как делал всегда, реагируя на ее голос, как ни на чей другой. Клэри направилась к ним, и Саймон почувствовал в груди болезненный укол — так всегда происходило, когда её рыжая голова находилась поблизости. Она такая маленькая. Во время одной их тех злосчастных

тренировок, когда Саймон был приравнен к наблюдателю из-за растяжения запястья, он видел, как Джейс швырнул Клэри о стену. Она ударилась головой.

Несмотря на это, Саймон продолжал чувствовать, что она как будто нуждалась в защите. Чувство это было особенно ужасным, учитывая то, что его эмоции не основывались на воспоминаниях. Саймон чувствовал себя сумасшедшим из-за всех этих эмоций к чужим людям, не имея возможности вспомнить знакомство и опыт общения с ними. В то же время он понимал, что выражал и чувствовал недостаточно сильно. Он знал, что не давал им то, чего они хотели.

Клэри не нуждалась в защите, но внутри Саймона был призрак мальчика, который хотел быть единственным человеком, способным оберегать её, и ему всегда было больно находиться рядом и не иметь возможности быть тем парнем.

Воспоминания возвращались, иногда с пугающей быстротой, но в большинстве своем лишь отрывками, маленькие фрагменты головоломки, которые Саймон с трудом мог осмыслить. Одним фрагментом был поход в школу с Клэри, и ее рука, настолько маленькая по сравнению сего. Он чувствовал себя определенно старше, к тому же он нес ответственность за неё. Он был полон решимости никогда не отпускать её.

— Привет, Саймон, — сказала она, ее глаза блестели от слез, и Саймон знал — в этом есть и его вина.

Он взял её руку, такую маленькую, покрытую мозолями из-за оружия и того, что она много рисовала. Ему хотелось бы найти способ вернуться к прошлому, но он знал, это она защищала его.

— Привет, Клэри. Позаботься о себе, — сказал он. — Я знаю, ты можешь, — он помолчал. — И позаботься о Джейсе, бедном, беспомощном блондине.

Джейс сделал непристойный жест, который казался Саймону знакомым, так что он понял, что это обычное дело. Джейс поспешно опустил руку, когда Катарина Лосс показалась со стороны Института.

Она была магом, как и Магнус, а так же была его другом, но вместо кошачьих глаз у нее была синяя кожа. Саймон почувствовал, что он ей не особенно-то и нравится. Может быть, магам нравятся только другие маги. Хотя, Магнусу, кажется, очень сильно нравится Алек.

— Привет всем, — сказала Катарина. — Готов идти?

На протяжении нескольких недель Саймон готов был умереть, но теперь он чувствовал тошнотворную панику.

— Почти, — ответил он. — Дай мне секунду.

Он кивнул Магнусу и Алеку, а они кивнули ему в ответ. Он чувствовал, что должен прояснить отношения между ним и Алеком, прежде чем решится на что-то большее.

— Пока ребята. Спасибо вам за всё.

— Поверь мне, даже частично освободить тебя от фашистского заклинания было удовольствием, — ответил Магнус, поднимая руку. Он носил много колец, которые сияли в лучах вечернего солнца. Саймон подумал, что он ослепляет врагов не только магической отвагой, но и этим блеском.

Алек просто кивнул.

Саймон наклонился и обнял Клэри, хотя боль сдавила его грудь. Ощущение её близости и её запах были странными и знакомым, противоречивые чувства поступали в его мозг через тело. Он старался обнимать её не слишком сильно, но она лишь крепче прижала его к себе. На самом деле, она могла бы раздробить его грудную клетку. В прочем, он не возражал.

Когда он отстранился, то развернулся и обнял Джейса. Клэри смотрела на них, и слезы текли по ее лицу.

— Ох, — пораженно сказал Джейс и быстро похлопал его по спине.

Саймон предположил, что обычно они обменивались рукопожатиями или что-то в этом роде. Он не знал, что воин способен быть еще и кем-то вроде брата: Эрик был большим любителем объятий. Он решил, что это будет неплохой практикой для Джейса и слегка потрепал его по волосам, прежде чем отстраниться.

Саймон собрал все свое мужество, повернулся и подошел к Изабель. Она была последней, с кем он должен был попрощаться; это будет труднее всего. Она не была похожа на Клэри, открыто показывающую свои эмоции, или на кого-то другого, к несчастью для него, и в целом выглядела в порядке. Из всех присутствующих она казалась наиболее равнодушной, но Саймон знал — это было неправдой.

— Я вернусь, — сказал Саймон.

— Не сомневаюсь, — ответила Изабель, смотря куда-то вдаль через его плечо. — Ты всегда болтаешься где-то поблизости.

— Когда я вернусь, вы будете сражены тем, что я узнаю.

Саймон дал обещание, хотя не был уверен, что сможет его сдержать. Он чувствовал, что должен был сказать что-то. Он знал, это было то, чего она хотела: чтобы он вернуться к ней лучшим человеком, чем был сейчас.

Изабель пожала плечами:

— Не думаю, что буду ждать, Саймон Льюис.

Как и её внешнее безразличие, отдельные нотки в её голосе говорили об обратном. Саймон пристально на нее посмотрел. Она была очень красивой и впечатляющей — этот груз был для него слишком тяжелым. Он мог поверить в любое из своих новых воспоминаний, но мысль о том, что Изабель Лайтвуд была его девушкой, казалась ему куда менее правдоподобной, чем то, что вампиры существуют в природе и Саймон был одним из них. Он не знал, что сделал, чтобы она испытывала к нему такие чувства, поэтому не имел ни малейшего представления, что нужно делать теперь, чтобы ее отношение к нему не изменилось. Это было все равно, что просить его полететь. На протяжении этих месяцев, с тех пор, как она и Магнус пришли к нему и вернули ему столько воспоминаний, сколько могли, он пригласил ее один раз в клуб и дважды позвал выпить кофе, но, к сожалению, этого было недостаточно. Каждый раз, когда Изабель смотрела на него в ожидании хоть какого-то чуда, он знал, что не может дать ей этого. Это приводило к тому, что он почти все время молчал, находясь рядом с ней, поэтому сейчас он собирался сказать что-то очень неправильное и разрушить все, что только мог разрушить своими словами.

— Окей, — сказал он. — Ну, а я буду скучать по тебе.

Изабель взяла его за руку, по-прежнему не смотря на него.

— Если я буду нужна тебе, я приду, — сказала она и отпустила его руку так же неожиданно, как и взяла.

— Окей, — снова сказал Саймон и отступил в сторону Катарины Лосс, она уже создала для него портал, чтобы он мог уйти в Идрис — страну Сумеречных охотников. Это расставание было таким болезненным и неуклюжим. И в тоже время он не мог понять, какое волшебство должно было произойти для сотворения прямо перед ним портала.

Он помахал на прощание всем этим людям, которых едва знал, но все равно любил, и он надеялся, что они не заметили того, какое облечение он испытал от необходимости уходить.

В голове Саймона промелькнули отрывки воспоминаний об Идрисе: башни и тюрьма, суровые лица и кровь на улицах — все это было связано с городом Аликанте.

Но на этот раз он оказался за пределами города. Он стоял посреди пышной сельской местности, окруженной долиной с одной стороны, и лугом с другой. Ничего не было видно на миль вперед, кроме всевозможных оттенков зеленого, нефритово-зеленые луга, а горизонт там, где возвышался Город Стекла с его пылающими на солнце башнями, ослеплял. На противоположной от Города Стекла стороне рос изумрудного цвета лес, сменяющийся на темно-зеленый в тени. Верхушки деревьев колыхались на ветру, будто зеленые перья.

Катарина огляделась, затем сделала один шаг и оказалась прямо на краю долины. Саймон последовал за ней и в одно мгновение все оттенки леса поблекли, будто бы их стерли, подобно пыли.

Внезапно появилось то, в чем Саймон узнал тренировочные площадки: участки голой земли, окруженные забором, разметки, обозначающие, где Сумеречные охотники бегали или швыряли друг друга в землю с такой силой, что Саймон мог видеть эти следы с того места, где он стоял. В центре участка посреди леса, жемчужина, в сравнении с которой остальное было лишь фоном, — высокое серое здание с башнями и шпилями. Саймон вдруг пришел в голову такой архитектурный термин, как «контрфорс», чтобы описать камень, имеющий форму крыла ласточки и при этом поддерживающий крышу. В центре Академии находился огромный витраж. В окне, потемневшем от времени, был изображен ангел, с мечом в руках, божественный и жестокий на вид.

— Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников, — сказал Катарина Лосс, ее голос был нежным.

Они начали спускаться вместе. В какой-то момент кроссовки Саймона заскользили на мягкой земле, и он почти упал на крутом склоне, так что Катарине пришлось схватить его за куртку, чтобы поддержать.

— Я надеюсь, что ты принес какие-нибудь походные ботинки, городской мальчик.

— Я не захватил походные ботинки, даже намек на них не взял, — сказал Саймон. Он знал, что взял с собой не те вещи. От его инстинктов вообще не было никакой пользы.

Катарина, вероятно, разочарованная отсутствием у Саймона интеллекта, молчала, пока они шли под сенью ветвей в зеленом сумраке, созданном деревьями, пока деревья не поредели, и солнечный свет не заполнил обратно пространство вокруг них. Академия Сумеречных охотников теперь была прямо перед ними. Когда они подошли ближе, Саймон начал замечать некоторые небольшие дефекты Академии, которые он не заметил, находясь под впечатлением и на значительном удалении. Одна из высоких, тонких башен опасно накренилась на бок. В арках расположились большие птичьи гнезда, а длинная и толстая паутина, подобно шторам, развевалась на нескольких окнах. Одно из стекол в витраже отошло в сторону, оставив черное пространство, на месте, где должен был находиться глаз ангела так, что было похоже, что ангел обратился в пиратство.

Ни одно из этих наблюдений не вызывало в Саймоне ничего хорошего.

Здесь, перед Академией, под пристальным взглядом пирата-ангела гуляли люди. Вот высокая женщина с копной светло-клубничных волос, а за ней две девушки, которые, по мнению Саймона, были студентами Академии. Обе на вид были его ровесницами.

Прутик сломался под ногами неуклюжего Саймона, и все три прогуливающиеся женщины обернулись. Клубничная блондинка подпрыгнула и быстро побежала к ним, заключив Катарину в такие объятия, как если та была давно потерянной сестрой синего цвета. Она схватила Катарину за плечи, последняя выглядела очень расстроенной.

— Мисс Лосс, слава Ангелам, вы здесь, — воскликнула она. — Кругом — хаос, абсолютный хаос!

— Я не думаю, что я имела... удовольствие, — сказала Катарина со значительной паузой.

Женщина взяла себя в руки и отпустила Катарину, кивая так, что ее яркие волосы разметались по плечам.

— Я Вивианна Пенхоллоу — декан академии. Рада с вами познакомиться.

Возможно она говорила довольно формально, но была ужасно молода, чтобы быть инициатором возобновления работы Академии и подготовки новых, крайне необходимых учеников для восстановления сил Сумеречных охотников. Опять же, Саймон предположил, что это могло бы произойти, когда ты вторая кузина Консула. Саймон все еще пытался разобраться, как устроено правительство Сумеречных охотников, и как работают генеалогические деревья у Сумеречных охотников. Складывалось впечатление, что все они были одной большой родней, что было не очень то и приятно.

— Мне кажется, или у вас проблемы, декан Пенхоллоу?

— Пожалуй, не стоит слишком акцентировать на этом внимание: времени, отведенного для реконструкции Академии, кажется, было, ах... «Дико недостаточно» — это слова, как нельзя лучше описывают ситуацию, — ответила декан Пенхоллоу. — И некоторые учителя уже, ох, ушли. Я не думаю, что они намерены вернуться. На самом деле, некоторые из них дали ясно понять об этом. К тому же, в Академии немного холодно, и, если быть абсолютно честной, она немного несостоятельна структурно. Кроме того, в заключении, я должна вам сказать, что есть проблема с поставками продовольствия.

Катарина подняла бровь цвета слоновой кости.

— Есть проблема с поставками продовольствия?

— У нас нет никаких запасов продовольствия.

— Это действительно проблема.

Плечи декана опустились, и она несколько раз вздохнула, будто сдерживая все, что помогало ей устоять против череды этих бедствий.

— Эти девушки со мной — старшекурсницы, они из хороших семей Сумеречных охотников — Джулия Бевейл и Беатриз Велес Мендоса. Они приехали вчера и действительно представляются для нас весьма ценными. А это, должно быть, юный Саймон. — сказала она, улыбаясь ему.

Саймон на короткое время удивился и, не зная почему, смутился, пока не пришло смутное воспоминание того, что очень немногие взрослые Сумеречные охотники проявляют признаки радости от присутствия в их компании вампира. Конечно, сейчас у нее не было причин ненавидеть его. А еще, казалось, она была рада встретиться с Катариной. Саймон подумал, что, может быть, у нее действительно всё в порядке. Или, может быть, она просто хотела, чтобы Катарина помогла ей.

— Верно, — сказала Катарина. — Ну, не удивительно, что здание перестало быть вакантным после десятилетнего запустения и все идет не совсем гладко спустя всего через несколько недель после начала эксплуатации. Вы бы лучше показали, какие места находятся

в бедственном состоянии. Я могу слегка подлатать их, чтобы не поднимать шумихи вокруг того, что юные Сумеречных охотники переломали свои маленькие шейки.

Все устали на Катарину.

— Я имею в виду, это было бы невосполнимой трагедией, — поправила себя Катарина и улыбнулась. — Может быть, одна из девушек сможет показать Саймону его комнату?

Казалось, она была готова избавиться от Саймона. Он действительно ей не нравился. Саймон не мог не думать, что же такого он мог натворить.

Декан посмотрела на Катарину чуть дольше положенного, а затем отвернулась.

— Ах, да, конечно, Джулия, не могла бы ты? Определите его в комнату в башне.

Брови Джулии взлетели вверх.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно. Первая комната от входа в восточное крыло, — сказала декан напряженным голосом и повернулась обратно к Катарине. — Мисс Лосс, я еще раз благодарю вас за ваш визит. Вы действительно можете разрешить некоторые из этих проблем?

— Знаете, существует такая поговорка: демоны вносят ясность в беспорядок Сумеречных охотников, — сказала Катарина.

— Я... Я не слышала такой поговорки, — сказал декан Пенхоллоу.

— Странно, — сказала Катарина, ее голос начал исчезать, по мере ее отдаления. — Демоны повторяют ее часто. Очень часто.

Саймон остался один и посмотрел на оставшуюся девушку, Джулию Бевейл. Ему нравилось смотреть на разных девушек под разным углом. Джулия была хороша собой, хотя нос и рот у нее были слишком узкими, поэтому создавалось впечатление, что все ее лицо выражало неодобрение.

— Саймон, не так ли? — спросила она, и ее поджатые губы сжались еще сильнее. — Следуй за мной.

Она повернулась, ее движения были резкими, как у солдата, и Саймон медленно последовал за ней через порог Академии в гулкий зал со сводчатым потолком. Он наклонил голову и попытался разглядеть, плохое ли освещение витража было повинно в зеленоватом оттенке потолка, или всё таки это был мох.

— Пожалуйста, не отставай, — слышался голос Джулии сквозь одно из шести темных, небольших дверных проемов, прорезанных в каменной стене. Его владелица уже исчезла, и Саймон погрузился в темноту следом за ней.

Во тьме скрывалась лишь тусклая каменная лестница, уводившая в тусклый каменный коридор. Здесь почти отсутствовал свет, потому что окна были лишь крошечными щелями в камне. Саймон вспомнил, что читал об окнах, подобных этим. Благодаря такой конструкции, никто не мог в вас попасть, в то время как вы могли спокойно вести огонь.

Джулия провела его сначала через один проход, затем через другой, вверх через короткий лестничный проход, вниз через еще один, пройдя через маленькую круглую комнату, которая была хороша для разнообразия, и тем не менее вела ещё к одному проходу. Было темно, каменная кладка была очень плотной, а в воздухе витал какой-то странный запах. В сочетании со всеми предыдущими коридорами Саймон вспомнил выражение: «Коридорная гробница». Он попытался не думать об этом, но у него не получалось.

— Так ты охотник на демонов, — сказал Саймон, закидывая сумку на плечо и поспевая за Джулией. — Каково это?

— Быть Сумеречным охотником, это всё, чему ты должен здесь научиться, — ответила девушка и остановилась перед одной из многих дверей, вырезанных из тонированного дуба с черным железным креплением и резной ручкой, походившей чем-то на крыло ангела. Она повернула ручку, и Саймон увидел, что сотни лет использования сделали крыло ангела почти что гладким.

Внутри была небольшая каменная комната с двумя узкими кроватями — на одной из которых лежал открытый чемодан — с резными спинками, — стеклянным, пыльным окном и большим шкафом, наклоненным на одну сторону, будто у него не хватало одной ножки.

В комнате находился парень, стоящий на табуретке. Он медленно повернулся на ней, чтобы посмотреть на пришедших сверху вниз, как если бы он был статуей на постаменте.

Он очень походил на манекен, на который кто-то натянул джинсы и пеструю, красно-желтую футболку для регби. Линии его лица были четкими и скульптурными, он был плечистый, спортивного телосложения, как и большинство Сумеречных охотников. Саймон подозревал, что Ангел не выбрал бы астматиков или кого-то, когда-либо получавшего удар в лицо во время волейбола в тренажерном зале. У парня был золотой летний загар, темно-карие глаза, вьющиеся темно-каштановые волосы, спадающие на лоб. Он улыбнулся, глядя на них, и ямочки появились на его щеках.

Саймон не считал себя знатоком мужской красоты; за спиной послышался тихий звук, и Саймон обернулся.

Тихий звук был вздохом, вырвавшимся в неудержимом порыве из Джулии, которая, как успел заметить Саймон, так же, как и он, одновременно вздрогнула, инстинктивно поддавшись вперед. Саймон подумал, что это был знак того, что этот парень был чем-то из ряда вон выходящим благодаря своей внешности, поэтому закатил глаза. По-видимому, все парни в среде Сумеречных охотников были моделями для демонстрации нижнего белья, в том числе и его новый сосед по комнате. У судьбы было извращенное чувство юмора.

Джулию, казалось, занимал только парень на табуретке. Саймона уже интересовало несколько вопросов, например: «А это вообще кто?» и «Почему он на табуретке?», но он не хотел докучать.

— Я действительно рад, что вы здесь, ребята. Теперь... не паникуйте, — прошептал парень на стуле. Джулия отступила на несколько шагов.

— Что с тобой случилось? — требовательно спросил Саймон. — Говоря «не паникуйте», ты уже заставил всех паниковать. Говори конкретнее.

— Окей, я понял, что ты имеешь в виду — справедливое замечание, — продолжил парень. У него был акцент, в целом голос был приятным, но он странно произносил некоторые слоги, и Саймон был уверен, что он был шотландцем.

— Я всего лишь предполагаю, что демон опоссума находится в гардеробе.

— Ради Ангела! — воскликнула Джулия.

Саймон сказал:

— Это просто смешно.

И тут из гардероба послышался звук. Звук перетаскивания чего-то, кряхтения, шипения. Волосы на затылке Саймона встали дыбом.

Быстро, как молния, с грацией Сумеречного охотника, Джулия прыгнула на кровать, где не было открытого чемодана. Саймон предположил, что это была его кровать. Он пробыл здесь всего две минуты, но уже успел лицезреть нервную девушку, рухнувшую на его кровать в попытке спастись от грызунов.

— Сделай же что-нибудь, Саймон!

— Да, Саймон — ты ведь Саймон? Привет, Саймон, пожалуйста, сделай что-нибудь с этим демоном-опоссумом, — сказал парень на стуле.

— Я уверен, что это не демон.

Звук возни в гардеробе усилился, и уверенность Саймона начала улетучиваться. Звук был такой, будто падает что-то огромное.

— Я родилась в городе Стекла, — сказала Джулия. — Я Сумеречный охотник, и я могу справиться с демонами. Но ещё я росла в милом доме, который не был наполнен грязной дикой природой.

— Ну, я из Бруклина, — сказал Саймон. — И я не злословлю о моем любимом городе, не называю его кишачей паразитами свалкой с хорошей музыкой или чем-то вроде этого, но я знаю грызунов. Кроме того, я уверен, что был грызуном, но это было только на некоторое время, и я не совсем хорошо помню этот эпизод и не хочу его обсуждать. Полагаю, я в состоянии справиться с опоссумом... который, как я уверен, не демонический.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я видел его, ребята, а вы нет! — воскликнул парень на стуле. — Я говорю вам, что он был подозрительно большой! Дьявольски большой.

Раздался еще один шорох и угрожающее сопение. Саймон украдкой подошел к открытому чемодану на другой кровати. В нем была куча футболок для регби, хотя лежало там и кое-что ещё.

— Это оружие? — спросила Джулия.

— Э-э, нет, — сказал Саймон. — Это теннисные ракетки.

У Сумеречных охотников должно быть куча внеклассных мероприятий.

Он подозревал, что ракетки должны были быть по-настоящему страшным оружием, но это все, что у него было. Он осторожно вернулся к шкафу и распахнул дверь. Там, в щепках, на дне гардероба находился опоссум. Его красные глаза блестели, маленький рот был открыт — он шипел на Саймона.

— Фу, фу, фу, — сказала Джулия. — Убей его, Саймон!

— Саймон, ты наша единственная надежда! — сказал парень на табуретке.

Опоссум дернулся, бросаясь вперед. Саймон опустил ракетку вниз, будто собираясь отбить камень. Опоссум снова зашипел и перебежал на другую сторону. У Саймона промелькнула дикая идея, что это был обманный манёвр, в то время как опоссум пробежал у него между ног. Саймон издал звук, приближенный к крику, отшатнулся и резко ударил в нескольких направлениях. Двое других ребят тоже закричали. Саймон повернулся, чтобы попытаться найти опоссума, увидел вспышку меха уголком глаза и атаковал снова. Парень на табуретке то ли в поисках утешения, то ли ошибочно предполагая, что может быть полезным, схватил Саймона за плечи и попытался повернуть его, дергая за рубашку.

— Там, — закричал он в ухо Саймону, последний развернулся, но его тут же повернули обратно, притягивая ближе к табуретке.

Саймон почувствовал, как табуретка наклонилась и коснулась его ног, а парень на ней снова схватил его за плечи. Саймон, уже дезориентированный, покачнувшись, а затем увидел пушистое маленькое тело опоссума рядом кроссовкой и совершил роковую ошибку. Он ударил по своей же ноге ракеткой. Очень сильно.

Саймон, табуретка, парнишка на ней, и ракетка, все это свалилось на каменный пол. Опоссум мелькнул в дверном проеме. Саймон подумал, что тот бросил на него победный

красноглазый взгляд, перед тем как исчезнуть.

Саймон был не в состоянии пуститься в погоню, поскольку находился в мешанине ножек стула и человеческих ног, и вдобавок ударился головой о спинку кровати.

Он попытался сесть, потирая голову и чувствуя легкое головокружение, когда Джули прыгнула с кровати. Спинка качнулась от ее прыжка, и стукнула затылок Саймона еще раз.

— Ну, я покину вас, ребята, прежде чем эта тварь вернется в свое гнездо! — объявила Джули. — Э-э... Я имела ввиду, я оставлю вас, ребята... с ним. Она задержалась в дверях, смотря в направлении удалившегося опоссума. — Скоро увидимся, — добавила она и закрыла дверь с другой стороны.

— Ой, — сказал Саймон, облокотившись назад на руки. Он скривился: — Очень вл... Ну... что было.

Он указал на стул, дверь и свою собственную спину.

— Это было... — продолжил он и понял, что смеется. — Просто впечатляющее выступление трех будущих охотников на демонов.

Парнишка, который больше не стоял на табуретке, удивился, вне всякого сомнения, думая, что у его нового соседа проблемы с психикой, он хихикал над опоссумом. Саймон ничего не мог с собой поделать, он не мог удержаться от смеха.

Любой из сумеречных охотников, которых он знал еще с Нью-Йорка, совладали бы с ситуацией, не моргнув глазом. Он был уверен, что Изабель отрезала бы голову опоссума мечом.

Но теперь он был окружен людьми, которые в панике запрыгивали на стулья и кричали, и не могли справиться с одним грызуном, и Саймон был одним из них. Все они были просто обычными детьми.

Это было такое облегчение, что у Саймона закружилась голова. Или это было от того, что он ударился? Он продолжал смеяться, и когда посмотрел на своего соседа, они встретились взглядом.

— Какой позор, хорошо, что наши преподаватели не видели это замечательное представление, — серьезно сказал новый сосед Саймона. Затем он тоже рассмеялся, прижав руку ко рту, маленькие морщинки веером расходились от уголков глаз от смеха, как если бы он смеялся постоянно, и его лицо привыкло к смеху. — Мы собираемся убивать.

После небольшого всплеска постопоссумной истерики, Саймон и его новый сосед поднялись с пола и представились друг другу.

— Прости за все это. Я не боюсь таких мелочей. Я надеюсь в бою с демонами быть чуть выше от земли. Кстати, меня зовут Джордж Лавлейс, — сказал парнишка, садясь на кровать рядом с раскрытым чемоданом.

Саймон посмотрел на свою сумку, полную веселеньких футболок, а затем на подозрительный шкаф. Он не знал, может ли он доверить опоссумскому шкафу свои футболки.

— Так ты Сумеречный охотник?

Он уже знал, по какому принципу появляются имена сумеречных охотников, и с первого взгляда понял, что Джордж охотник. И сейчас он был разочарован, т. к. знал, как сумеречные охотники думают о примитивных. Было бы неплохо иметь рядом кого-то, кто плохо разбирается во всём этом, чтобы пройти всю эту школу вместе.

Было бы неплохо иметь классного соседа, снова подумал Саймон. Как Джордан. Он не мог вспомнить Джордана, своего соседа по комнате, кода ещё был вампиром, но то, что он

помнил, было хорошим.

— Итак, я Лавлейс, — сказал Джордж. — Моя семья покинула ряды сумеречных охотников в 1700-х годах из-за своей лени, затем они переехали за пределы Глазго и стали лучшими ворами овец в стране. Только другая ветвь семьи Лавлейсов сдалась Сумеречным охотникам в 1800-х годах, я думаю, у них родилась дочь, которая вернулась к охотникам, но она умерла. Так что мы — это все, что осталось. Сумеречные охотники пытались достучаться до нескольких поколений Лавлейсов, но мои храбрые предки говорили что-то вроде: «Нет, пожалуй, мы будем придерживаться овец», и, в конце концов, Конклав оставил свои попытки, т. к. они устали от нашего бездельного образа жизни. Что я могу сказать? Лавлейсы — лодыри.

Джордж пожал плечами и изобразил своей теннисной ракеткой жест «а что я могу сделать»?

Саймон проверил свой телефон. В Идрисе не было связи, какая неожиданность, так что он бросил его в чемодан посреди футболки с надписью «Это благородное наследие».

— Можешь поверить, я ничего не знал об этом еще несколько недель назад? Сумеречные охотники снова нашли нас и сказали, что им нужны новые... эмм... охотники на демонов в борьбе против зла, потому что целая куча охотников погибла на войне. Могу сказать, что сумеречные охотники действительно знают, как завоевать сердца и умы.

— Им нужно раздавать флаеры, — предложил Саймон, и Джордж улыбнулся. — «Мы носим черное и смотримся круто, когда держимся вместе». И обязательно приписать на флаере: «ГОТОВ БЫТЬ КРУТЫМ? Соедините меня с отделом маркетинга Сумеречных охотников!»

— Боюсь, новости о Сумеречных охотниках и их способностях к ксерокопированию будут неутешительными, — сказал Джордж. — В любом случае, выяснилось, что мои родители знали обо всем этом, но мне об этом не рассказали. Конечно, зачем же беспокоить меня по таким пустякам? Они сказали, что моя бабушка была безумна, упоминая о танцах с фейри! Прежде чем уйти, я четко понял для себя, что от меня было скрыто несколько классных секретов. Папа сказал, что бабушка совершенно выжила из ума. Это значит, что фейри тоже реальны. Маловероятно, конечно, что её четырехдюймового любовника фейри звали Колокольчик, хотя...

— Я бы поставил на эту версию, — сказал Саймон, обдумывая то, что он помнил о фейри. — Но немного.

— Итак, ты из Нью-Йорка? — сказал Джордж. — Довольно гламурно.

Саймон пожал плечами: он не знал, что ответить, всю свою жизнь ему было комфортно в Нью-Йорке, а потом выяснилось, что город и его собственная душа оказались предателями. И ему мучительно захотелось уйти.

— Как ты узнал обо всем этом? У тебя есть Видение?

— Нет, — медленно сказал Саймон. — Я совершенно обычный, но моя лучшая подруга узнала, что является Сумеречным охотником. Ей абсолютно не повезло с родственниками. По правде сказать, я совершенно запутался, я не помню, потому что...

Саймон остановился и попытался придумать какой-нибудь способ объяснить, что это связано с неким демоном памяти, а не с тем, что он сходит с ума, как бабушка Джорджа. Саймон заметил, что Джордж смотрит на него, широко раскрыв карие глаза.

— Ты Саймон, — выдохнул он. — Саймон Льюис!

— Да, — сказал Саймон. — Эй, это мое имя на двери, если что.

— Вампир, — сказал Джордж. — Лучший друг Клэри Моргенштерн!

Джордж выглядел серьезным и впечатленным, и это было немного неловко. Саймон был вынужден признать, что это также и приятно. Это так отличалось от того, как на него смотрели в его старой жизни или в новой.

— Ты не понимаешь, я прибыл в эту замерзшую дыру, полную грязи и грызунов в то время, как вся Академия просто гудела о героях примерно моего возраста, отправившихся в измерение демонов. Это внушало надежду на серьезную перспективу, опуская тот факт, что здесь не работают туалеты.

— Туалеты не работают? Но как... Как же мы...?

Джордж закашлялся.

— Мы общаемся с природой, если ты понимаешь, о чем я.

Джордж и Саймон посмотрели через створки окна на лес ниже, колышущийся на ветру за ромбовидными стеклянными панелями, а затем мрачно и уныло переглянулись между собой.

— Seriously, ты и твоя героическая компания — это то, о чем все сейчас говорят, — сказал Джордж, возвращаясь к более интересной теме. — Ну, и еще тот факт, что у нас есть голуби, живущие в печах. Ты спас мир и не помнишь этого. Это должно быть странно?

— Это странно, Джордж, спасибо, что напомнил.

Джордж засмеялся, бросил свою разбитую ракетку на пол и посмотрел на Саймона, как будто тот был чем-то удивительным.

— Вау. Саймон Льюис. Я полагаю, что должен поблагодарить кого-то в Академии за такого классного соседа!

Джордж взял шефство над Саймоном до обеда, за что тот был ему глубоко благодарен. Столовая выглядела так же, как и все остальные квадратные каменные комнаты в Академии, за исключением одной стены, где была резная каминная полка со скрещенными мечами и девизом, изношенным и стертым настолько, что Саймон не смог его прочесть.

Там было несколько круглых столов с деревянными стульями разных размеров вокруг них. Саймон начал искренне верить, что они достались Академии от распродажи гаражной утвари какого-то пожилого человека. Стулья были заняты детьми. Большинство из них были, по крайней мере, на два года моложе, чем Саймон. Некоторые были еще младше. Саймон понял, что он был слишком взрослым для ученика-охотника на демонов, и его это немного нервировало. Он вздохнул с облегчением, когда увидел несколько, знакомых лиц примерно своего возраста.

Джули с помятым лицом, Беатрис и еще один парень увидели их и помахали, а Саймон подумал, что приветствие было для Джорджа, но когда он сел, Джули наклонилась к нему.

— Я не могу поверить, ты не сказал, что ты Саймон Льюис, — сказала она. — Я думала ты обычный человек.

Саймон немного отклонился в сторону.

— Я простой смертный.

Джули засмеялась.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Она имеет в виду, что мы все в долгу перед тобой, Саймон, — сказала Беатрис Мендоса, улыбаясь ему. У нее была замечательная улыбка.

— Мы не забудем об этом. Так приятно встретить тебя и видеть здесь. У нас даже могла бы получиться разумная беседа, но шансов нет, так как с нами Джон.

Парень, бицепсы которого были размером с голову Саймона, потянулся через стол и протянул руку. Несмотря на угрожающий вид руки, Саймон пожал ее.

— Джонатан Картрайт. Очень приятно.

— Джонатан, — повторил Саймон.

— Это общее имя для Сумеречных охотников после Джонатана Сумеречного Охотника, — сказал Джон.

— Э-э... я знаю, у меня есть копия Кодекса, — сказал Саймон.

Клэри дала ему свой экземпляр Кодекса. Саймон от души повеселился, читая на полях заметки почти каждого из обитателей Института. Он чувствовал, что знаком с ними, но на безопасном расстоянии, где они не могли видеть его неудачи и пробелы в знаниях.

— Просто... я знаю нескольких людей, имя которых Джонатан. Не то что бы каждый из них называет себя Джонатаном. Называл себя Джонатаном. — Он не помнил много о брате Клэри, но знал его имя и не особо хотел вспомнить больше.

— Ах, да, Джонатан Герондейл, — сказал Джон. — Вы, конечно, знаете его. На самом деле мы с ним хорошие друзья. Я обучил его паре трюков, которые, несомненно, помогли вам в другом измерении, не так ли?

— Ты имеешь в виду Джейса? — с сомнением спросил Саймон.

— Ну конечно же его — сказал Джон. — Наверное, он упоминал обо мне.

— Что-то не припомню, — сказал Саймон. — На самом деле у меня демоническая амнезия. Ну как-то так.

Джон кивнул и пожал плечами.

— Верно. Облом. Вероятно, он говорил обо мне, а ты просто забыл из-за демонической амнезии. Я не хвастаюсь, но мы очень близки, я и Джейс.

— Мне бы хотелось быть близкой с Джейсом Геондейлом. Он великолепен, — вздохнула Джули.

— Он хитрее, чем мех лисы в лисьей норе в день охоты на лис, — мечтательно согласилась Беатрис.

— Кто это? — спросил Джон, щурясь на Джорджа, который сидел, откинувшись на спинку стула и наблюдая с усмешкой.

— Что ты имеешь в виду, говоря о хитрых людях? Я Джордж Лавлейс, — сказал Джордж. — Я говорю свою фамилию без стыда, так как уверен в своей мускулистости.

— А, Лавлейс, — сказал Джон, наморщив лоб. — Да, ты можешь сидеть с нами.

— Есть два потока в Академии — объяснила Беатриз. — Поток для примитивных, где студентов более подробно информируют о Сумеречном мире и дают им необходимую базовую подготовку, и поток для детей Сумеречных охотников, где мы учимся по более продвинутой программе.

Губы Джули изогнулись.

— Беатриз имеет в виду, что есть элита и есть отбросы.

Саймон посмотрел на них с замиранием.

— Так... я собираюсь быть в потоке отбросов.

— Нет, Саймон, нет! — воскликнул Джон в шоке. — Конечно, ты там не будешь!

— Но я примитивный, — снова сказал Саймон.

— Ты не примитивный, Саймон, — сказала Джули. — Ты исключительный примитивный. А это значит, что будет сделано исключение.

— Если бы кто-нибудь попробовал поставить тебя с примитивными, я перекинулся бы с

ним словечком, — высокомерно продолжил Джон. — Любой друг Джейса Герондейла, естественно, и мой друг.

Джули погладила руку Саймона. Он посмотрел на руку, будто она ему не принадлежит. Он не хотел быть в потоке для неудачников, но здесь комфортно он себя не чувствовал.

Он подумал, что припоминает, как Изабель, Джейс и Алек говорили о примитивных. Они были неплохими ребятами, просто их так воспитали. Они не хотели, чтобы это выглядело таким, как было на самом деле. Саймон был в этом уверен.

Беатрикс, которая с первого взгляда понравилась Саймону, наклонилась через Джули и сказала:

— Ты более, чем заслужил свое место.

Она застенчиво улыбнулась ему, и Саймон не мог не улыбнуться в ответ.

— Так... значит, в потоке отбросов буду я? — медленно спросил Джордж. — Я ничего не знаю ни о Сумеречных охотниках, ни и демонах.

— О, нет, — сказал Джон. — Ты Лавлейс. Вот увидишь, для тебя все будет очень легко, это у тебя в крови.

Джордж закусил губу.

— Ну-у-у... если ты так говоришь...

— Большинство студентов Академии будут в элитном потоке, — поспешно сказала Беатрикс. — Наши новобранцы в основном такие же, как и ты, Джордж. Сумеречные охотники ищут разъехавшихся и потерянных людей с кровью Сумеречных охотников по всему миру.

— Так что кровь Сумеречных охотников определяет твоё направление, а не знание, — пояснил Джордж.

— И это абсолютно несправедливо — подтвердила Джули. — Посмотрите на Саймона. Конечно, он должен быть в элитном потоке. Он доказал, что достоин.

— Саймону нужно было спасти мир, а мы попали сюда только потому, что у нас правильная фамилия? — спросил Джордж. Он подмигнул Саймону. — Нелегкая судьба у тебя, приятель.

Возникло неловкое молчание, но Саймон подозревал, что никто не чувствует себя более неловко, чем он.

— Иногда потомков Сумеречных охотников определяют в поток отбросов, если они позорят себя, — коротко сказала Джули. — Но в основном, да, он предназначен для примитивных. По такому принципу Академия работала, работает и будет работать. Набирать примитивных с Видением или спортивными достижениями в Академию, это прекрасная возможность дать им шанс стать чем-то большим, чем они когда-либо мечтали. Но они не могут идти в ногу с остальными Сумеречными охотниками. Вряд ли было бы справедливо ожидать этого от них. Они не могут все быть как Саймон.

— У некоторых из них просто не будет способностей, — заметил Джон, повысив тон. — Некоторые из них не переживут Восхождения.

Саймон приоткрыл рот, но прежде, чем он успел задать какие-то вопросы, его прервал звук одинокого хлопка.

— Мои дорогие студенты, мои нынешние и будущие Сумеречные охотники, — сказала декан Пэнхоллоу, поднимаясь со стула. — Добро пожаловать, добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников. Отрадно видеть вас всех здесь, на церемонии открытия Академии, где мы обучали целые поколения следовать Ангельскому Закону. Это честь быть

приглашенными сюда, и мы рады, что вы приехали.

Саймон осмотрелся вокруг. Саймон прикинул: здесь было около двухсот студентов, неловко расположившихся за шаткими столами. Он снова заметил, что некоторые из них были очень молоды, а еще грязные и неопрятные. Никто не выглядел так, будто чувствовал честь быть здесь. Саймон снова заинтересовался методом вербовки Сумеречных охотников. Джули говорила, что это было очень благородно искать потерянные семьи Сумеречных охотников, а также предлагать примитивным удивительные возможности, но некоторые из детей выглядели лет на двенадцать. Саймон задумался, какой же должна быть твоя жизнь, чтобы ты все бросил и пошел воевать с демонами в возрасте 12 лет.

— У нас было несколько непредвиденных потерь среди персонала, но я уверена, что мы будем счастливы и с теми, кто остался, — продолжила декан Пэнхоллоу. — Могу ли я представить вам Делани Скарсбери, вашего преподавателя. — Человек, сидящий рядом с ней, встал.

Если сравнить бицепсы Джона Картрайта с виноградом, то теперь они стали сопоставимы по размеру с грейпфрутом. Его глаза подернулись пеленой, как у ангела на витраже. Саймон медленно повернулся и посмотрел на Джорджа, надеясь, что тот почувствовал то же самое. Тот прошептал одними губами:

— Не сейчас.

Джордж, который, вероятно, почувствовал то же самое, прошептал:

— Сумеречный охотник — разбойник!

— Я с нетерпением жду, когда превращу вас в глину, а потом из этой глины я вылеплю свирепых воинов, — объявил Скарсбери.

Саймон и Джордж обменялись многозначительными взглядами.

Девушка, сидящая за столом позади Саймона, начала плакать. На вид ей было лет тринадцать.

— А это Катарина Лосс, очень почтенный маг, она будет преподавать вам историю и многое другое!

— Ура, — сказала Катарина Лосс, и сделала неясное движение своими голубыми пальцами, как будто хотела похлопать, не потрудившись поднять обе руки.

Декан продолжала:

— Так как в последние годы в Академию прибывают ребята со всех уголков мира, мы стараемся каждый день готовить какое-нибудь новое национальное блюдо. Мы, конечно, намерены продолжать и дальше эту традицию! Но так как кухня не в очень хорошем состоянии, то сегодня у нас...

— Суп, — сказала Катарина твердо. — Баки и чаны с мутным коричневым супом. Наслаждайтесь, ребята!

Декан Пенхоллоу продолжила свои одинокие аплодисменты.

— Это верно, все наслаждайтесь! И еще раз добро пожаловать!

Действительно, им больше нечего было предложить, кроме огромных металлических чанов, наполненных сомнительным супом.

Саймон встал в очередь за едой и заглянул в жирные глубины темной жидкости.

— Там водятся аллигаторы?

— Я ничего не обещаю, — сказала Катарина, разглядывая собственную миску.

Саймон был измотан и голоден, рухнув той ночью в постель. Он попытался приободрить себя и вспомнить, когда в последний раз в его кровати была девушка. Девушке

еще предстоит впервые появиться на его кровати, подумал Саймон, но потом воспоминания пришли, как струйка облака над луной. Он вспомнил, что Клэри спала в его постели, когда они были настолько малы, что на их пижамах были грузовики и пони. Он вспомнил, что поцелуй Клэри похож на свежий лимонад. И он вспомнил Изабель, ее темные волосы, струящиеся по подушке, обнажившееся навстречу ему горло, её ногти, царапающие его ногу. Тот Саймон был не только героем, но и сердцеедом. Ну, большим сердцеедом, чем Саймон сейчас.

— Изабель.

Губы Саймона прошептали ее имя в подушку. Он сказал себе, что не будет думать о ней, пока он в Академии. И пока он был только на пути к тому, чтобы стать лучше, стать тем человеком, которым Изабель хотела его видеть. Он повернулся на спину и стал смотреть в каменный потолок.

— Ты не спишь? — прошептал Джордж. — Я тоже. Я все ещё беспокоюсь, что опоссум вернется. Откуда он пришел, Саймон? Куда он делся?

* * *

Испытания по превращению Саймона в сумеречного охотника начались на следующий же день. Во-первых, потому что Скарсбери начал проверять их способности, что было ужасно само по себе. Во-вторых, потому что это повлекло за собой обидные комментарии о телосложении Саймона.

— У тебя такие узкие плечи, — задумчиво сказал Скарсбери. — Как у леди.

— Я гибкий, — с достоинством сообщил ему Саймон.

Он с горечью посмотрел на Джорджа, который развалился на скамейке в ожидании, когда Саймон закончит свои испытания. Испытания Джорджа прошли успешно, Джули уже приходила, чтобы похвалить его форму и потрогать его руки.

— Знаешь что, — сказал Скарсбери, — У меня есть несколько тестов, рассчитанных на девушек.

— Отлично, — сказал Саймон. — Точнее, это ужасно, но... хорошо! Давайте начнем.

Скарсбери сунул сложенную черную ткань в руки Саймона.

— Это рассчитано на высокую девушку, — произнес он с интонацией, предназначенной скорее для утешения, и, к несчастью, слишком громко.

Все вокруг оглянулись и посмотрели друг на друга. Саймон едва сдержался от саркастического поклона и потопал на испытание. После того, как они получили снаряжение, им выдали оружие. Прimitивные не могли наносить руны или использовать стило, а также большую часть оружия Сумеречных охотников, так что им выдали оружие примитивных. Это также было рассчитано на расширение знаний детей Сумеречных охотников об оружии. Саймон опасался, что его собственное знание о ядерном оружии было столь же широким, как спагетти.

Декан Пенхоллоу принесла огромные коробки со страшными ножами, которые очень странно смотрелись в учебной обстановке Академии, и попросила их выбрать кинжал, наиболее для них подходящий.

Саймон выбрал первый попавшийся кинжал, и сидя за столом, слегка им поигрывал.

— Отлично, — кивнул ему Джон.

— Ага, — ответил Саймон, качнувшись назад и жестом соглашаясь с Джоном. — Это как раз то, что я подумал. Отлично. Очень кинжально.

Он нанес удар кинжалом по столу, и тот застрял, Саймон вырвал его из дерева. Он подумал, что учиться здесь не так уж и плохо по сравнению с подготовкой к обучению. Но оказалось, что это было намного хуже.

* * *

Дни в Академии были наполовину заняты физической подготовкой. Почти половину дня студенты проводили в тренажерном зале. Ударные, ударные занятия в тренажерном зале. Когда их обучали основам фехтования, Саймон был в паре с девушкой, которую он заметил еще в столовой, с той, которая плакала, когда представлялся Скарсбери.

— Она из потока отбросов, но я понимаю, ты не особо опытен в фехтовании, — сказал ему Скарсбери. — Если она не будет достойным соперником, дай мне знать.

Саймон уставился на Скарсбери вместо того, чтобы заняться тем, чем ему хотелось. Он не мог поверить, что взрослый может назвать кого-либо «отбросами» в их же присутствии.

Он посмотрел на девочку, она кивнула темноволосой головой, ее меч блестел в дрожащей руке.

— Привет. Я Саймон.

— Я знаю, кто ты, — пробормотала она.

Верно, по-видимому, Саймон был знаменитостью. Если бы он помнил все, возможно, это бы показалось ему нормальным. Может быть, он бы знал, что заслужил это, вместо сомнений о правомерности такого отношения.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Марисоль, — неохотно ответила она. Он заметил, что она перестала трястись, после того, как Скарсбери отошел.

— Не волнуйся, — сказал он обнадеживающе, — я буду атаковать тебя потихоньку.

— Хм, — сказала Марисоль. Теперь она не выглядела так, будто собиралась сейчас заплакать; ее глаза были сужены. Саймон не сильно привык к маленьким детям, но они оба были примитивными. У Саймона было неловкое чувство близости.

— Ты хорошо устроилась? Скучаешь по родителям?

— У меня нет родителей, — сказала Марисоль слабым, но твердым голосом.

Саймон стоял пораженный. Каким же он был идиотом. Он думал о том, почему примитивные дети могут прийти в Академию. Им придется делать выбор: отказаться от своих родителей, своей семьи, своей прошлой жизни. Если, конечно, у них итак не было родителей и семьи. Он думал об этом и забылся, увлеченный своими собственными воспоминаниями и мыслями о том, как он будет вписываться в круг новых людей, думая только о себе. У него был дом, в который он мог вернуться, несмотря на то, что он был не идеальным. У него был выбор.

— Что тебе сказали Сумеречные охотники, когда они брали тебя на службу?

Марисоль уставилась на него своим ясным и холодным взглядом.

— Они сказали мне, — проговорила она, — что я буду бороться.

Как оказалось, она начала брать уроки фехтования с того момента, как научилась ходить. Она поставила его на место и, буквально, стерла в пыль, спотыкаясь об него как

крошечный, колючий торнадо, настигший его на тренировочном поле, и сваливший его с ног.

Ко всему прочему он уколол себя в ногу своим же собственным мечом в момент, когда падал. Но это было очень незначительной травмой.

— Ты был слишком мягок с ней, — сказал Джон, проходя мимо и помогая Саймону подняться. — Знаешь, отбросы не научатся, если их не учить.

Его голос был добр; а вот его взгляд в сторону Марисоль нет.

— Оставьте ее в покое, — пробормотал Саймон, но он не сказал, что Марисоль победила его честно. Они все думали, что он был героем.

Джон ухмыльнулся и пошел дальше. Марисоль даже не взглянула на него. Саймон изучал пострадавшую ногу.

Не все это было таким пронзительным. Кое-что было обычной рутинной, например бег, но сколько Саймон не пытался бежать и идти в ногу с людьми, которые были гораздо спортивнее, чем он когда-либо был, его постоянно мучили воспоминания о том, как его легкие никогда не жгло из-за отсутствия воздуха, как его сердце никогда не стучало от перенапряжения. Он был быстр когда-то, гораздо быстрее, чем любой из этих Сумеречных охотников, холодных, хищных и сильных.

И мертвым, снова напомнил он себе, после того как в очередной раз упал. Он не хотел быть мертвым.

Бег был еще намного лучше, чем езда верхом. Академия внедрила эти занятия в первую же пятницу. Саймон подумал, что это должно было быть удовольствием.

Все остальные вели себя так, будто это и было удовольствием. Только тому элитному потоку было позволено ездить на лошадях, и во время езды они издевались над отбросами из-за того, что они пропустили. Казалось, это подбадривало Джули и Джона перед лицом бесконечно ужасного супа.

Саймон, балансировавший на спине огромного зверя с подвижными глазами, пытающегося, по-видимому, танцевать чечетку, не чувствовал, что это был какой-либо вид удовольствия. Отбросов отправили учить элементарные факты о Сумеречных охотниках. Большинство уроков у них проходило отдельно от элиты, и Джон заверил Саймона, что они были скучными. Саймон чувствовал, что он действительно может скучать, вот прямо сейчас.

— Сай, — сказал Джордж вполголоса. — Подсказка. Ездить гораздо удобнее, если ты держишь глаза открытыми.

— Мой предыдущий опыт езды был на карусели в Центральном парке, — отрезал Саймон. — Прости меня за то, что я не мистер Дарси!

Джордж был, как заметили некоторые дамы, отличным наездником. Ему едва приходилось двигаться, чтобы лошадь реагировала на него, они плавно двигались в унисон, солнечный свет рябил в его непослушных локонах. Он смотрел прямо, двигаясь так, что все это выглядело легко и изящно, как у рыцарей в фильмах. Саймон вспомнил, что читал книги о волшебных лошадях, которые читали каждую мысль своего всадника, книги о лошадях, рожденных от северного ветра. Все это было частью жизни магического воина, имеющего благородного скакуна.

Лошадь Саймона была бракованной или, возможно, гениальной, заточенной на то, чтобы Саймон не мог ее контролировать. Все занятие прошло в блужданиях по лесу с Саймоном на спине, поочередно молившимся, угрожающим и предлагающим взятку. Если лошадь Саймона могла читать каждую его мысль, то она была садистом.

Как только стала приближаться ночь, и вечером похолодало, лошадь побрела к своему деннику. У Саймона не было выбора в этом вопросе, но ему удалось упасть с лошади и поплестись в Академию, его пальцы и колени полностью онемели.

— Ах, вот ты где, — сказал Скарсбери. — Джордж Лавлейс был вне себя. Он хотел послать поисковую группу за тобой.

Саймон сожалел о своих злобных мыслях о верховой езде Джорджа.

— Позвольте-ка догадаться, — ответил Саймон, — а все остальные, наверное, сказали, оставим его перед лицом смерти, это закаляет характер.

— Меня не заботило то, что тебя собираются съесть медведи в глухом темном лесу, — сказал Скарсбери, который выглядел как человек, который ничем в жизни не был озабочен.

— Конечно, вас не заботило, вы должно быть...

— У тебя есть твой меч, — небрежно добавил Скарсбери поворачиваясь, что бы уйти.

— Мой, мой медведеубивающий меч? Вы и в правду думаете, что я — убивающий медведя, это правдоподобный сценарий? Что вы знаете о медведях в этих лесах? Я думаю, что это ваша прямая обязанность как учителя, рассказать мне, есть ли здесь медведи.

— Увидимся рано утром на занятии по метанию копья, Льюис, — сказал Скарсбери и, не оглядываясь назад, пошел, чеканя шагом.

— Есть ли в лесах медведи, — Саймон повторил про себя. — Это простой вопрос. Почему Сумеречные охотники так некомпетентны в простых вопросах?

Дни проходили в тумане ужасной, непосильной физической нагрузки. Если не было занятия по метанию копья, то Саймона бросали по тренировочной комнате (Джордж очень извинялся потом, но это не спасало). Если они не работали с кинжалом, значит, у них были соревнования с кинжалом, а потом позорное поражение перед клинками стройных, злых Сумеречных охотников. Если это не были соревнования на кинжалах, то была полоса препятствий, и Саймон отказывался от разговоров при ее прохождении.

Джули и Джон стали очень холодны на совместных обедах, и уже прозвучало немало комментариев по поводу примитивных.

Наконец, усталый Саймон, шатаясь, побрел к следующему тренировочному снаряду, чтобы еще раз убедиться в своей бесполезности насчет острых предметов, Скарсбери вложил ему в руки лук.

— Я хочу, чтобы ты попытался поразить цель, — сказал Скарсбери, — И Льюис, мне бы очень хотелось, чтобы ты не убил кого-нибудь из учеников.

Саймон ощутил вес лука в своих руках. У него хорошая балансировка, подумал он, легко поднимать и манипулировать им. Он вложил стрелу и почувствовал упругость тетивы, готовой сорваться и отправить стрелу туда, куда хотел Саймон.

Он отвел руку назад: это было так просто — попасть в яблочко. Он прицелился еще раз, и стрела полетела в цель, его руки жгло, а сердце стучало от радости. Он был счастлив снова почувствовать свои мышцы в работе, сердце колотилось. Он был счастлив, что снова жив, и может прочувствовать каждый момент.

Саймон опустил лук и понял, что все смотрят на него.

— Можешь повторить? — спросил Скарсбери.

Он научился стрелять из лука в летнем лагере, но стоя здесь, он вспомнил кое-что еще. Он вспомнил дыхание и биение своего сердца, а Сумеречные охотники наблюдали за ним. Он все еще был человеком, тем примитивным, которого все презирали. Но он убил демона. Он вновь увидел то, что тогда случилось.

Тот парень не так уж и отличается от того, кем он является сейчас.

Саймон почувствовал, как на его лице появляется улыбка, отдаваясь болью в щеках.

— Да, думаю, что смогу.

Джули и Джон стали намного более дружелюбными за ужином, чем в последние несколько дней. Саймон рассказал им все, что помнил об убийстве демона, и Джон предложил научить его нескольким трюкам по фехтованию.

— Мне бы очень хотелось услышать больше о твоих приключениях, — сказала Джули. — Все, что ты сможешь вспомнить. Особенно, если эти воспоминания будут связаны с Джейсом Герондейлом. Ты знаешь, как он получил тот сексуальный шрам на своей шее?

— Эм, — сказал Саймон. — Вообще-то... да. На самом деле... это был я. — Все устали на него.

— Возможно, я укусил его. Совсем немного. На самом деле, это был небольшой укус.

— Он был вкусный? — спросила Джули, подумав с минуту. — Он выглядит довольно аппетитно.

— Эй, — сказал Саймон. — Он же не пачка сока.

Беатрис горячо закивала. Обе девушки, казалось, были очень заинтересованы этим разговором. Слишком заинтересованы. Обе с остекленевшими глазами.

— Ты, наверное, медленно сел на него сверху, а затем очень нежно опустил голову к его пульсирующему горлу? — спросила Беатрис.

— Чувствовал ли ты тепло, исходящее от его тела?

— Ты облизал его горло, прежде чем укусить? — спросила Джули. — Оу, и у тебя был шанс потрогать его бицепс? — Она пожала плечами. — Мне просто любопытно, ну ты знаешь, методы вампиров и все такое.

— Я полагаю, Саймон был и нежным и властным во время этого особого момента с Джейсом, — мечтательно сказала Беатрис. — Я имею в виду, он ведь был особенный, не так ли?

— Нет! — сказал Саймон. — Не могу сказать, что все произошло именно так. Я кусал нескольких Сумеречных охотников: Изабель и Алека Лайтвудов, к примеру. Так что кусать Джейса не было столь нежным и уникальным моментом!

— Ты кусал Изабель и Алека Лайтвудов?! — спросила шокированная Джули. — А Лайтвуды то, что тебе сделали?

— Ничего себе, — сказал Джордж. — Я воображал себе измерения демонов страшными и ужасающими, но, похоже, это он кусал здесь всех без остановок и разбору... ням...ням...ням...

— Всё было совсем не так! — сказал Саймон.

— Можем ли мы перестать говорить об этом? — потребовал Джон резким тоном. — Я уверен, что вы все делали то, что нужно было сделать, но мысль о Сумеречных охотниках, ставших жертвой Нежити, просто отвратительна.

Саймону не понравилось, как Джон произнес слово «Нежить», как будто слова «Нежить» и «Отвратительно» были одним и тем же. Но, возможно, это было достаточно естественно для Джона, чтобы обеспокоить его. Саймон помнил, как и сам беспокоился об этом. Как не хотел, чтобы его друзья были его добычей.

Сегодня все прошло хорошо, Саймон не хотел рушить это. Он решил, что сегодня у него достаточно хорошее настроение, чтобы не обращать на это внимания.

В Академии Саймон чувствовал себя лучше, до тех пор пока однажды ночью не

проснулся от лавины воспоминаний, после того как задремал. Воспоминания были не как обычно: мелкими резкими вспышками, а обрушились непрерывным и ужасным потоком.

Он думал о своем бывшем соседе. Он знал, что у него был друг, сосед по комнате, которого звали Джордан, как и то, что его убили. Но, до этого момента, Саймон не помнил, что чувствовал, когда Джордан впустил его, после того как мама выставила его за дверь. Как говорил с ним о Майе, что чувствовал, когда услышал, как смеется Клэри, назвав Джордана милым. Разговаривая с ним, Джордан всегда был терпеливым, добрым и всегда смотрел на Саймона, не просто как на задание, он видел в нем больше, чем просто вампира. Он вспоминал, как Джордан и Джейс сначала ругались друг с другом, как последние идиоты, а затем играли в видеоигры. И как Джордан нашел его спящим в гараже, и как он присматривал за Майей с таким сожалением.

Он вспомнил, как держал кулон Претор Люпус, некогда принадлежащий Джордану, в своих руках в Идрисе, после смерти друга. Саймон впервые взял кулон в руки с тех самых пор, как к нему вернулась часть его воспоминаний. Чувствуя его вес, он задавался вопросом, каково же значение выгравированного на нем девиза.

Он знал, что Джордан был его соседом по комнате, и, что он был одним из многочисленных жертв войны. Но он никогда в действительности не чувствовал всю тяжесть этих воспоминаний до сих пор.

Тяжесть бремени, которую несли воспоминания, заставляли его чувствовать себя так, словно у него на груди образовалась груда камней, давящая на грудь и лишавшая возможности дышать. Он вырвался из недр своей памяти и, свесив ноги через край кровати на каменный пол, ощутил пронизывающий его холод.

— Что... что такое? — пробормотал Джордж. — Опоссум вернулся?

— Джордан мёртв, — мрачно сказал Саймон, и закрыл лицо руками. Наступила тишина.

Джордж не спрашивал его, кем был Джордан, или с чего он вдруг забеспокоился о нем. Саймон не знал, как бы смог объяснить всю эту путаницу вины и горя в его груди. Он ненавидел себя за то, что забыл Джордана, хотя он ничем и не мог помочь ему. Каково это было впервые узнать о том, что Джордан мертв и, обладая шрамами, вновь вскрывать их, ощущая ту же боль, что и прежде. Во рту Саймона возникла горечь, сравнимая со вкусом несвежей крови.

Джордж протянул руку и опустил её на плечо Саймона, крепко сжимая его. Тепло и прочность, исходящие от его руки, служили Саймону якорем этой холодной и темной ночью.

— Мне очень жаль, — прошептал он. Саймон сожалел тоже.

* * *

На следующий день, на ужин снова был суп. Теперь суп был каждодневным приемом пищи на протяжении многих дней. Саймон не помнил жизнь до супа, и он уже отчаялся когда-либо достигнуть её. Саймон подумал, что Сумеречные руны способны были бы защитить от цинги.

Их обычная группа собралась за своим привычным столом, общаясь, когда Джон сказал: — Жаль, что по демонологии мы получаем несколько меньше, чем нам того хотелось бы, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Э-э, — протянул Саймон. Он не готов был ответить, поскольку большинство занятий по многовековой демонологии были для него темным лесом. — Разве... охота на демонов... меньше, чем нам хотелось бы?

— Ну, ты ведь понимаешь, что я имею в виду, — сказал Джон. — Мы до сих пор должны больше изучать о прошлых преступлениях колдунов. Мы также должны бороться с Нежитью. Наивно делать вид, что все они ручные зверушки.

— Нежитью, — эхом повторил Саймон. Суп во рту превратился в пепел, что, на самом деле, только улучшило его вкус. — Как вампиры?

— Нет! — поспешно сказала Джули. — Вампиры замечательны. Они, ну ты знаешь, классные в отличие от других жителей Нижнего мира. Но если говорить о таких созданиях, как оборотни, то ты, Саймон, должен признать, что они не совсем наш вид людей. Если их вообще можно назвать людьми.

Она сказала «оборотни», и Саймон не мог не подумать о Джордане, вздрагивая, как если бы его ударили, и он неспособен был молчать ни минутой дольше.

Саймон отодвинул свою тарелку с супом в сторону и встал из-за стола.

— Не тебе говорить мне, о том, что я должен, а что нет, Джули, — холодно сказал он. — Я должен сообщить тебе, что есть оборотни, которые стоят сотню таких, как ты, и всех остальных задниц сумеречных охотников вместе взятых. Я должен сказать, что я сыт по горло вашими оскорблениями примитивных и рассказами о том, что я ваш специальный питомец-исключение, как будто я хочу быть домашним питомцем людей, которые задирают детей младше и слабее, чем они сами. И я должен сообщить, что тебе бы лучше надеяться на то, что эта Академия сработает и такие примитивные, как я взойдут, потому что все, что я вижу сейчас — это то, что следующее поколение Сумеречных охотников обреченно без нас.

Он посмотрел в сторону Джорджа, как способ определить в классе или за приемом еды поддерживает ли он его шутку, чтобы понять, согласен ли он с ним и сейчас.

Но Джордж смотрел в свою тарелку.

— Давай же, парень, — пробормотал он. — Не... не делай этого. Они заставят тебя переехать из комнаты. Просто сядь обратно, каждый сможет извиниться, и мы просто продолжим, как будто ничего и не случилось.

Саймон сделал глубокий вдох полный разочарования, и сказал: — Я не хочу делать вид, как будто ничего не случилось. Я хочу изменить это.

Он отвернулся от них и пошел напрямик туда, где сидели декан и Скарсбери, чтобы во весь голос сказать:

— Декан Пенхоллоу, я хочу перевестись в класс примитивных.

— Что? — Воскликнул Скарсбери. — К отбросам?

Декан с шумным всплеском уронила ложку в суп.

— Примитивных, мистер Скарсбери, примитивных! Не стоит относиться к нашим студентам таким образом. Я рада, что вы пришли ко мне с этим вопросом, Саймон, — сказала она после минутного колебания. — Я понимаю, у Вас могли возникнуть трудности с курсом, учитывая ваш примитивную сущность, но...

— Это вовсе не потому, что мне трудно, — сказал Саймон. — Просто я бы предпочел не общаться с элитными семьями сумеречных охотников. Я просто не думаю, что они мой тип людей.

Его голос звучал под каменным потолком. Большинство младших детей уставились на него. Одной из них была маленькая Марисоль, которая наблюдала за ним с испуганным, но

внимательным выражением. Все только смотрели, ничего не говоря.

— Хорошо, я сказал все, что хотел. А сейчас я, пожалуй, пойду, поскольку чувствую себя несколько сконфужено, — сказал Саймон, и выбежал из комнаты.

Он едва ли не столкнулся с Катариной Лосс, наблюдавшей за происходящим из-за двери.

— Прощу прощения, — пробормотал он.

— Не стоит, — сказала Катарина. — На самом деле, я собираюсь пойти с тобой. Я помогу тебе собрать вещи.

— Что? — Спросил Саймон, поспевая за ней. — Мне на самом деле нужно переезжать?

— Да, они поместили отбросов на подземном уровне, — сказала Катарина.

— Они поместили некоторых детей в подземельях, и никто до сих пор не отметил, что это довольно таки отвратительная система заселения?

— А это так? — Спросила Катарина. — Расскажи мне больше о сумеречных охотниках и их склонности к несправедливости. Я нахожу это захватывающим и удивительным. Их оправдание состоит в том, что нижние уровни легче защищать, для детей, которые не могут бороться, а также их сокурсников.

Она шагнула в комнату Саймона и огляделась в поисках его вещей.

— Я на самом деле не очень много распаковал, — сказал Саймон. — Я боялся опоссума в гардеробе.

— Что?

— Джордж и я нашли его весьма таинственным, — со всей серьезностью сказал Саймон, собирая свою сумку и наполняя её теми несколькими вещами, которые он успел распаковать. Он не хотел бы забыть что-то из своих вещей.

— Что ж, — сказала Катарина. — Неважно. Суть в том, что я хочу сказать тебе... Возможно, ты неправ, Саймон.

Саймон моргнул.

— В самом деле?

Катарина улыбнулась ему. Это было изумительно, словно голубой восхода солнца.

— Я не была в восторге от возможности преподавать здесь. Сумеречные охотники и жители Нижнего мира не очень то и ладят, и я стараюсь держаться как можно дальше от нефилимов, нежели большинство других вроде меня. Но у меня был друг, хороший друг, по имени Рагнор Фелл, который обычно жил в Идрисе и преподавал в Академии в течение многих десятилетий, прежде чем её закрыли. Он никогда не был большого мнения о сумеречных охотниках, но он любил это место. И я... недавно я потеряла его. Я знала, что это место не может работать без учителей. Я хотела сделать что-то в память о нем, хотя я ненавидела идею преподавания своре высокомерных ребятишек нефилимов. Но я любила моего друга больше, чем ненавижу сумеречных охотников.

Саймон кивнул. Он думал о своих воспоминаниях, о Джордане. О том, как это больно даже смотреть на Изабель и Клэри без воспоминаний, которые были утеряны. И как никому не известный человек отчаянно желал вернуть кого-то, кого они любили и потеряли.

— Так что, возможно, я была несколько раздражительна на счет грядущего, — призналась Катарина. — Возможно, я была несколько раздражительна в отношении тебя, потому что... исходя из того, что я знаю, ты не хотел быть вампиром. А теперь ты излечился, и это удивительно, и сумеречные охотники так быстро тянут тебя в свои ряды. Ты действительно можешь быть одним из них, ведь это то, чего ты всегда хотел. Но на тебе

висит пятно, которое приравнивает тебя к одному из нас.

— Я не... — сглотнув, сказал Саймон. — Я не могу вспомнить все. Так что временами это все равно, что защищать действия кого-то другого.

— Должно быть это трудно.

Саймон рассмеялся.

— Вы не имеете ни малейшего представления. Я не... я не хочу быть вампиром. Имей я еще одну возможность, то не думаю, что захотел бы вновь. Навсегда застрять в шестнадцатилетнем возрасте, когда все мои друзья и моя семья уже выросли без меня. Каждый день жить с сильным желанием... причинять вред людям? Я не хочу этого. Но... посмотрите, я не помню многого, но я помню достаточно. Я помню, что был человеком, таким же, как я сейчас. Тот факт, что я стану сумеречным охотником не изменит этого, если я вообще когда-нибудь все-таки стану сумеречным охотником. Я забыл достаточно, но я никогда не забуду этого.

Он закинул свою сумку на плечо, и жестом велел показать Катарине путь к его новой комнате, что она и сделала. Спускаясь по каменным ступеням, Саймон понял, что они были в подвале. Он даже вообразить себе не мог, что они и в самом деле держали детей в подвале.

На лестнице было темно. Саймон положил руку на стену, чтобы не упасть, а затем отдернул её обратно.

— Ох, отвратительно!

— Да, большинство подвальных поверхностей покрыты черной слизью, — сказала Катарина, как ни в чем ни бывало. — Следи за собой.

— Спасибо за предупреждение.

— Всегда пожалуйста, — сказала Катарина, в её голосе прозвучал намек на смех. На мгновение Саймону показалось, что Катарина на самом деле может быть очень даже милой. — Ты сказал... если ты вообще когда-нибудь все-таки станешь сумеречным охотником. Ты подумываешь об уходе?

— Теперь, когда я коснулся слизи, я... — пробормотал Саймон. — Нет. Я не знаю, чего я хочу, за исключением того, что я не хочу сдаваться.

Он едва ли не пересмотрел свое мнение, когда Катарина привела его в новую комнату. Она была намного темнее, чем предыдущая, хотя обставлена таким же образом. Прикроватные тумбочки, две узкие одноместные кровати выглядели совсем гнилыми, а в углах комнаты черная грязь выросла фактически густым, превратившимся в крошечный черный слизистый водопад.

— Я не слишком хорошо помню ад, — сказал Саймон. — Но я более чем уверен, что там было лучше, чем здесь.

Катарина рассмеялась, а затем к большому удивлению Саймона, проявив к нему симпатию, потрепала его за щеку.

— Удачи тебе, Светоч, — сказала она ему, смеясь над его выражением лица. — И делай что хочешь, но не используй ванную на этом этаже. На любом другом, но, очевидно, что не на этом!

Саймону не нужно было лишний раз ничего объяснять, потому что он и сам был в ужасе. Он сел на свою новую кровать, а затем поспешно вскочил из-за продолжительного скрипа и целого облака пыли, окутавшего его. Эй, по крайней мере, на этот раз у него не было соседа по комнате... он был королем этих клаустрофобных слизистых владений. Он сосредоточил свое внимание на распаковке вещей. Шкаф в этой комнате, на самом деле, был

определенно лучше — чистый и пустой. Саймон мог бы жить в гардеробе вместе со своими забавными футболками.

Он уже закончил разбирать свои вещи к тому времени, как в комнату неторопливо вошел Джордж, волоча за собой чемодан, с закинутой на плечо, словно меч, разбитой ракеткой. — Эй, парень.

— Эй, — осторожно сказал Саймон. — Эм, что... что ты здесь делаешь?

Джордж кинул свой чемодан и свою ракетку на слизистый пол, и бросился на кровать. Он потянулся, не обращая внимания на зловещий скрип кровати под ним.

— Дело в том, что продвинутый курс, на самом деле, довольно трудный, — сказал Джордж, в то время, как Саймон начал улыбаться. — И ты, возможно, уже слышал: Лавлейсы те еще лентяи.

* * *

Еще большее облегчение с присутствием Джорджа Саймон испытал на следующий день. Когда они могли сидеть вместе, а не за одним столом с тринадцатилетними примитивными. Все бросали на них косые взгляды или судорожно шептались за их спинами.

День стал намного ярче, когда Беатрикс также плюхнулась за их новый стол.

— Я не собираюсь бросать продвинутый курс и всюду следовать за вами, словно та Кудрявая Сью, — объявила Беатрикс, — но мы все еще можем быть друзьями, не так ли?

Она ласково потрепала волосы Джорджа.

— Осторожно, — устало сказал Джордж покорным голосом. — Я не спал всю ночь в нашей небольшой, слизистой комнате. Я полагаю, что в наших стенах кто-то живет. Я слышу его, стремительно перемещающегося. Я должен признать, что, возможно, это было не самое яркое решение последовать примеру Саймона. Вполне вероятно, что я не очень сообразителен. Вполне вероятно, что именно так все и выглядит.

— В действительности... хоть я и не хочу следовать за вами в скучных классах и бесконечном неуважении к моим одноклассникам... Я считаю, что то, что вы сделали, это было очень даже здорово, Саймон, — сказала Беатрикс.

Она улыбнулась, её белоснежная улыбка контрастом засветилась на её темнокожем лице, она была теплой и восхитительной — определенно наилучшая вещь, которую видел Саймон за весь день.

— Ты права, наши нравы впечатляют, хотя наши стены и заражены. У нас все еще есть некоторые интересные занятия, Сай, — сказал Джордж. — Кроме того, можно не волноваться, нас все еще посылают на миссии по борьбе с демонами и изгоями Нижнего мира.

Саймон едва не подавился супом.

— Я не беспокоился об этом. Кто-нибудь из наших преподавателей хоть раз забеспокоился о том, что отправляет детей без каких либо сверх способностей на борьбу с демонами, что может оказаться всего лишь крошечной частицей, слишком незначительной, но фатальной?

— Они должны встретить все испытания с храбростью, прежде чем вознесутся, — сказала Беатрикс.

— Для них же будет лучше пасть в сражении, если они бояться, и даже лучше, если

демон съест их ноги, чем, если бы они попытались пройти Восхождение, которого не достойны, и умереть в попытке.

— Ну что тут скажешь? Это здорово, весело и вполне нормально, — сказал Саймон. — Сумеречные охотники искусны в провозглашении нормальных вещей.

— Ну, я в любом случае с нетерпением жду миссий, — сказал Джордж. — А завтра сумеречные охотники придут в качестве гостей на лекцию по ограниченному использованию оружия. Я надеюсь, что там будет и практическая демонстрация.

— Не в классе, — сказала Беатриз. — Подумайте о том, что один сверхмощный арбалет мог бы сделать со стенами.

Все это послужило Саймону предупреждением, когда на следующий день он с грохотом счастливо занял свое место в классе, а Джордж откинулся и обнаружил декана Пенхоллоу, которая говорила в своей привычной нервно-веселой манере. Классная комната была заполнена и потоком нефилимов, и примитивных.

— ...Несмотря на её юный возраст, эта сумеречная охотница уже обладает некоторой известностью и знаменитый эксперт в ограниченном использовании оружия, таким, как кнутом, например. Академия Сумеречных охотников, позвольте представить вам вашего первого лектора: Изабель Лайтвуд!

Изабель повернулась, перекинув её ослепительные гладкие черные волосы через плечо, её черная юбка резко контрастировала с её бледными ногами. На ней была блестящая, цвета сливовой помады, одежда, настолько темная, что казалась почти черной. Ее глаза действительно выглядели черными, и ещё один маленький нож памяти пронзил Саймона, конечно в самый неподходящий момент: он вспомнил цвет её глаз. В действительности, с близкого расстояния, они были темно-коричневого цвета, как коричневый бархат, настолько близкий к черному, что почти и не отличить, но с мощными кольцами цвета...

Он споткнулся у своего стола и опустился в кресло с глухим стуком.

* * *

Когда декан ушла, Изабель повернулась и посмотрела на класс с абсолютным презрением.

— Я здесь не для того, чтобы учить любого из вас, идиоты, — сказала она, идя вверх и вниз по ряду парт. — Если вы хотите использовать кнут, черт с ним — учитесь, но если вы вдруг потеряете ухо, не бегите тогда со слезами на глазах к мамочке.

Несколько мальчиков кивнул, словно загипнотизированные. Почти все мальчики смотрели на Изабель, словно те змеи, которых очаровали звуки музыки. Некоторые девушки смотрели на неё с тем же выражением.

— Я здесь, — объявила Изабель, заканчивая рыскать по периметру и поворачиваясь к ним лицом, чтобы приковать их взглядом, — чтобы определить мое отношение.

Саймон выпучил глаза. Она не могла говорить о нем. Или могла?

— Видите этого человека? — спросила Изабель, указывая на Саймона. Весьма очевидно, что она говорила именно о нем. — Это Саймон Льюис, и он мой друг. Так что, если любой из вас хотя бы попытается сделать ему больно, потому что он примитивный или... да помилует Ангел ваши души... подумает о нем в романтическом ключе, я приду за тобой, открою на тебя настоящую охоту и в конце просто сотру тебя в порошок! Ясно?

— Мы всего лишь друзья, — поспешно сказал Джордж.

Беатрикс отодвинулась от Саймона на другой край стола.

Изабель опустила руку. Румянец полностью покинул её лицо, как если бы она пришла только для того, чтобы сказать то, что она сказала, и теперь, весь адреналин фактически вышел из неё вместе с этими словами.

— А сейчас я собираюсь уйти, — объявила Изабель. — Спасибо за внимание. Класс свободен. — Она повернулась и вышла из комнаты.

— Я должен... — начал Саймон, поднимаясь из-за стола на ноги и чувствуя себя слегка неустойчиво. — Я должен идти.

— Да-а, еще как должен, — сказал Джордж.

Саймон вышел за дверь и побежал вниз по каменным коридорам Академии. Он знал, что Изабель была быстрой, так что он побежал еще быстрее, чем он когда-либо бегал на тренировках, и смог догнать ее в коридоре. Она остановилась в тусклом свете витража, когда он позвал её по имени.

— Изабель!

Она стояла и ждала его. Ее губы приоткрылись и поблескивали, словно сливы на зимнем снегу, призывающие опробовать их на вкус. Саймон мог видеть, как он подбежал к ней, заключив её в свои объятия. Как он поцеловал ее губы, узнавая какой она была прежде — его смелой, драгоценной Изабель. Все это уносилось прочь в водовороте любви и наслаждения. Он видел это как будто сквозь оконное стекло, как будто вы смотрите в другое измерение, которое можно увидеть, но к которому нельзя прикоснуться.

Саймон почувствовал острую горячую боль по всему телу, а не только в груди, как будто его поразила молния. Но он должен был сказать это.

— Я не твой парень, Изабель, — выкрикнул он.

Она побледнела. Саймон был в ужасе от того, как ужасно прозвучали его слова.

— Я имею в виду, я не могу быть твоим парнем, Изабель, — сказал он. — Я не он... я не тот парень, которого ты знала. Не тот, которого ты хочешь.

Он чуть было не сказал, что хотел бы им быть. И он действительно хотел. Вот почему он пришел в Академию, чтобы узнать, как быть тем парнем, которого все так желают вернуть. Он желал быть как он — удивительным героем, как в игре или фильме. Он был так уверен в этом, что сначала это было именно тем, чего он так сильно хотел.

За исключением того факта, что желая стать тем парнем, которого все хотят в нем видеть, он уничтожает того парня, каким он сейчас является: нормальный, счастливый парень, все еще играющий в группе. Парень, который мог бы все еще любить свою мать, который не просыпается холодной темной ночью, оплакивая мертвых друзей.

И если бы только он мог знать, какого именно парня она желала, или он желал.

— Ты помнишь все, а я же... я же не помню достаточно, — продолжал Саймон. — Я могу обидеть тебя, не желая этого. Я считал, что придя в Академию, станет лучше, но это не так. Изменилась вся игра. Мой уровень квалификации снизился, а уровень сложности упал до невозможного...

— Саймон, — прервала его Изабель, — ты говоришь как ботаник.

Она сказала это почти любовно, но только еще больше испугала Саймона. — И я не понимаю, о ком именно ты говоришь, о привлекательном сексуальном вампире Саймоне, или о ком-то еще?

Идеальные губы Изабель темным полумесяцем изогнулись на её бледном лице. —

Потому что ты никогда не был привлекательным, Саймон.

— Оу, — сказал Саймон. — Слава Богу. Я знаю, что у тебя было много бойфрендов. Я помню, что среди них были и феи, и... — в другом наиболее нежелательном воспоминании, — ... Лорд Монтгомери? Ты встречалась с представителем знати? Как я вообще когда-нибудь смогу конкурировать с ним?

Во взгляде Изабель все еще плескалась нежность, но на этот раз к ней примешалась и изрядная доля нетерпения.

— Ты и есть Лорд Монтгомери, Саймон!

— Я не понимаю, — сказал Саймон. — Мне что, еще и дали титул, когда превратили в вампира? — Возможно, в этом был смысл, ведь вампиры аристократичны.

Изабель устало потерла лоб. Казалось, это был жест пренебрежительной усталости, словно Изабель устала от всего этого, но Саймон видел, что ее глаза были закрыты, словно она не могла смотреть на него, когда говорила.

— Это был просто шутка между мной и тобой, Саймон.

Саймон устал от всего этого: осознавать обрывки своих воспоминаний с ней с одной стороны было так приятно, но с другой стороны — нет, ведь он также осознавал, что он не тот, кого она желала.

— Нет, — сказал он. — Это была шутка между ним и тобой.

— Ты и есть он, Саймон!

— Нет, — сказала ей, Саймон. — Я не... все, что я осознал за все это время — это то, что я не знаю, как им стать. Я думал, что смогу научиться быть им, но с тех пор, как я поступил в Академию, я понял лишь одно — я не смогу. Я не смогу снова ощутить все то, через что мы прошли. Я никогда не стану тем парнем, который совершил все те вещи. Я собираюсь совершить совершенно иные поступки. Я собираюсь стать совершенно другим парнем.

— Ты снова все вспомнишь, как только Взойдешь! — Изабель уже кричала на него.

— Если я пройду Восхождение, а это случится только через два года. Я не собираюсь быть тем же парнем в течение этих двух лет, даже если вернутся все воспоминания, потому что там будет и много других воспоминаний. Ты уже не станешь той девушкой. Я знаю, что ты верила в меня, Изабель, я знаю, что ты верила в меня, потому что... потому что ты заботилась о нем. Это значит для меня больше, чем я могу тебе объяснить. Но, Изабель... Изабель, это будет не честно с моей стороны. Несправедливо заставлять тебя ждать того, кто уже никогда не вернется.

Изабель скрестила руки, её пальцы с силой впились в темный бархат её куртки, как будто ей было не комфортно.

— Ничто из этого не справедливо. Это не справедливо, что у тебя отняли часть твоей жизни. Это не справедливо, что тебя отняли у меня. Я так злюсь, Саймон, так злюсь!

Саймон шагнул к ней и разжал её руки. Он не обнял её, но стоял на небольшом расстоянии, держа её за руки. Ее губы дрожали, а ресницы блеснули. Он не знал, была ли это такая тушь или же неукротимая Изабель на самом деле плакала. Он знал лишь одно — она блистала, словно созвездие в форме девушки.

— Изабель, — сказал он. — Изабель.

Она до такой степени была собой, что он едва ли сейчас осознавал, кем же он был.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — спросила она.

Он просто смотрел на нее. Было так много вариантов того, что бы мог означать этот вопрос, и еще больше вариантов ответа на него.

— Я имею в виду в Академии, — сказала она. — Ты знаешь, почему ты хочешь стать сумеречным охотником?

Он заколебался.

— Я хотел снова стать тем парнем, — сказал он. — Тем героем, которого вы все помните... а это похоже на школу подготовки героев.

— Нет, — решительно сказала Изабель. — Это школа для подготовки Сумеречных охотников. И да, я считаю, что это довольно круто, и что защищать мир довольно героически. Но существуют и трусливые сумеречные охотники, и злые, и безнадёжные. Если ты собираешься пройти обучение в Академии, то ты должен выяснить для себя, почему ты хочешь быть сумеречным охотником, и что это значит для тебя, Саймон. Не только потому, что ты хочешь быть особенным.

Он вздрогнул, но это была правда.

— Ты права. Я не знаю. Я знаю, что я хочу быть здесь. Я знаю, что должен быть здесь. Поверь, если бы ты только увидела здешние ванные комнаты, то поняла бы, насколько это было трудное решение для меня.

Она наградила его испепеляющим взглядом.

— Но, — сказал он, — я не знаю почему. Я ещё не знаю себя достаточно хорошо. Я знаю, что я сказал тебе раньше, и я знаю, что ты надеялась на то, что я вновь смогу стать таким, как прежде. В действительности же я ошибался и прошу за это прощения.

— Прошу прощения? — переспросила Изабель. — Ты знаешь, что для меня значит приехать сюда и выставить себя полной идиоткой перед всеми этими людьми? Ты знаешь... конечно же ты не знаешь. Ты не желаешь, чтобы я верила в тебя? Ты не хочешь, чтобы я выбрала тебя?

Изабель выдернула свои руки и отвернулась так же, как она это сделала в саду Института в Нью-Йорке. На этот раз Саймон знал, что это было абсолютно по его вине.

У порога она сказала:

— Следуй своему пути, Саймон Льюис. Я же не стану.

* * *

Саймон был так подавлен после ухода Изабель, после того как он обошелся с нею, что не думал, что он когда-либо снова встанет со своей койки. Он лежал, слушая болтовню Джорджа, который очищал стены. Он уже удалил внушительное количество слизи.

Саймон пошел туда, где, как он считал, его никто никогда не найдет — в ванную комнату. Кафель в ваннах комнатах был сломан, и было что-то темное в одном из туалетов. Саймон от всей души надеялся, что это был просто результат того, что люди выбрасывали суп.

Он просидел в ванной в тишине и спокойствии наедине с ужасными туалетами полчаса, пока Джордж не высунул голову из-за двери.

— Эй, приятель, — сказал Джордж. — Я не могу не подчеркнуть, что использовать эти ванные комнаты не стоит.

— Я не собираюсь использовать эту ванную комнату, — мрачно сказал Саймон. — Я бестолковый, но не идиот. Я всего лишь хотел побыть наедине со своими унылыми мыслями. Хочешь знать, в чем секрет?

Джордж немного помолчал.

— Если ты хочешь рассказать, но это необязательно. У всех нас есть секреты.

— Я прогнал самую удивительную девушку, которую я когда-либо встречал, потому что я слишком большой неудачник, чтобы справиться с самим собой. Вот мой секрет: я хочу быть героем, но не собой. Все думают, что я какой-то там удивительный воин, который вызвал ангела, спас Сумеречных охотников и мир, но все это шутка. Я даже не могу вспомнить, как я это сделал. Я даже не могу себе это представить. Никакой я не особенный, и ни один дурак не может верить в это до сих пор, и я даже не знаю, что я здесь делаю. Так что скажешь, у тебя есть секрет, превосходящий мой?

В одном из туалетов раздалось низкое бульканье. Саймон даже не посмотрел в ту сторону. Он не был заинтересован в исследовании этого звука.

— Я вообще не Сумеречный охотник, — в страстном порыве сказал Джордж.

Не самый идеальный способ получить монументальные откровения, находясь на полу ванной. Саймон нахмурился.

— Ты не Лавлейс?

— Нет, я Лавлейс. — Обычно беззаботный голос Джорджа был суров. — Но я не Сумеречный охотник. Меня усыновили. А Сумеречные охотники, которые меня усыновили, даже не думали о том, что... ну, что люди, в чьих жилах течет кровь Сумеречных охотников, будут воспитывать ребенка примитивных, дав ему имя Сумеречного охотника и думать о нем, как о своем собственном. Я всегда планировал рассказать правду, но полагал, что будет легче, когда я окажусь здесь — меньше проблем, чтобы позволить мне остаться, чем работать над тем, чтобы они захотели, чтобы я прошел Восхождение. А потом я встретил других, начал обучение и понял, что я довольно легко мог бы идти в одну ногу с ними. Я видел, что они думают о примитивных. Я полагал, что никому ведь не навредит, если я сохраню это в тайне и останусь в элитном классе, буду как остальные ребята, просто на некоторое время.

Джордж сунул руки в карманы и смотрел в пол.

— Но я встретил тебя, и у тебя нет всяких там суперспособностей, а ты уже сделал больше, чем все остальные вместе взятые. В ту же минуту, как ты перевелся в класс примитивных, хотя и не должен был этого делать, это заставило меня проявить мужество сказать декану, что я тоже примитивный и перевестись вслед за тобой. Ты сделал это. Сейчас же ты в порядке? Так что перестань говорить о том, что ты неудачник, потому что я не последовал бы за неудачником в покрытую слизью спальню или, уж тем более, в ванную. — Джордж перевел дыхание и агрессивно добавил: — И я действительно хотел бы изменить формулировку последнего предложения, потому что это прозвучало и в самом деле скверно.

— Я уловил смысл, что в нем подразумевался, — сказал Саймон. — Я... я очень рад, что ты рассказал мне это. Я с самого начала надеялся получить крутого соседа примитивного.

— Хочешь знать еще один секрет? — спросил Джордж.

Саймона несколько испугали подобные откровения, и он заволновался о том, не был ли Джордж секретным агентом, но все равно кивнул.

— Все в этой академии, и нефилимы, и примитивные, люди, у которых есть цель, и у которых её нет, каждый из них надеется стать героем. Мы все надеемся на это, и стремимся к этому настолько сильно, что готовы пасть без сил ради этого. Ты в точности такой же, как и все мы, Сай. За исключением одной единственной вещи: мы все хотим стать героями, а ты

уже им стал. Знаешь, в другой жизни, в какой-то там альтернативной вселенной, что бы ты там себе не думал, но ты был героем. И ты снова можешь им стать. Может быть, уже не тем же героем, но у тебя есть возможность принять правильное решение, принести большую жертву. Это большая ответственность. Но в этом гораздо больше надежды, чем в любом из нас. Подумай об этом под таким углом, Саймон Льюис, я считаю, что тебе крупно повезло.

Саймон не думал об этом в таком ключе. У него внутри словно щелкнул выключатель, и он снова собирался стать особенным. Но Изабель была права: дело уже совсем не в том, чтобы просто стать особенным. Он вспомнил, как увидел Академию впервые, как эффектно и впечатляюще она выглядела издалека, и насколько иначе вблизи. Он начал думать, что процесс становления сумеречным охотником выглядел точно так же. Он начинал верить, что все это: битвы с мечом, лошадь, уносящая его, поедание этого ужасного супа и выскабливание слизи со стен — все это было для того, чтобы он мог, медленно и неуклюже, выяснить для себя, кем же на самом деле он хотел быть в этот раз.

Джордж улыбнулся и прислонился к стене ванной комнаты и это явно был весьма опрометчивый и опасный шаг. Наблюдая за его усмешкой и тем, как более чем за секунду Джордж перестал быть серьезным, Саймон вспомнил свой первый день в Академии и преисполнился надеждой.

— Говоря о везении, Изабель Лайтвуд настоящая красотка. Вообще-то она даже больше, чем красотка: она герой. Она преодолела весь этот путь лишь для того, чтобы заявить миру о своих правах на тебя. И ты говоришь мне, что она видит совершенно другого героя, когда смотрит на тебя? Ты собираешься выяснить, что ты здесь делаешь. Изабель Лайтвуд верит в тебя и я тоже, а это многого стоит.

Саймон посмотрел на Джорджа.

— Это действительно стоит многого, — сказал он, наконец. — Спасибо, что сказал мне все это.

— Пожалуйста. А теперь, прошу, встань с пола, — умоляюще сказал Джордж. — Это так противно. — Саймон встал и вышел из ванной вслед за Джорджем. Они едва ли не столкнулись с Катариной Лосс, которая со скрежетом тащила по плитам огромную покрытую миску.

— Мисс Лосс, — сказал Саймон. — Могу ли я у вас спросить... что вы делаете?

— Декан Пенхоллоу решила, что не станет заказывать свежие запасы продовольствия, пока весь этот вкусный питательный суп не будет съеден. Поэтому я собираюсь закопать этот суп в лесу, — объявил Катарина Лосс. — Возьмитесь за другую ручку.

— Да. Хорошо, это отличный план, — сказал Саймон, хватаясь за другую ручку миски. Джордж следовал за ними, пока они шли, пошатываясь и балансируя супницей между ними. В то время как они шли через продуваемые насквозь просторные коридоры Академии, Саймон добавил:

— У меня только один быстрый вопрос — о лесах. И о медведях.

Больше книг на сайте - Knigolub.net